

ПАВЕЛ РЯЗАНЦЕВ

Бархатная Смерть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Рязанцев

Бархатная смерть

<https://litres.ru/72772777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Октябрь 2002 года, Москва. Случайные девушки беспричинно впадают в кому, а из молодого мужчины вытягивают жизненные силы. Агентам Управления по борьбе с мистическими угрозами: оперативнику Екатерине и медиуму Ярославу – предстоит выяснить, кто или что в ответе за происшествия. Понимая, что имеют дело с чем-то зловещим и масштабным, напарники прибегают к помощи со стороны. «Помощником» оказывается опытный маг, обладатель скверного характера и множества скелетов в шкафу. Дай бог ненастоящих.

С такими друзьями и враги не нужны. Да и сам враг не станет ждать, пока его обезвредят. Он будет бороться... самыми грязными методами.

Содержание

Пролог	4
1. Утро понедельника добрым не бывает	7
1	7
2	15
2. Есть много способов умереть	22
1	22
2	36
3	41
4	47
3. Жизнь – это ЗППП	65
1	65
2	71
3	82
4	88
4. Спокойная ночь	104
1	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Бархатная смерть

Пролог

Путь от удовольствия к мучениям короток. Грань размыта, но последний рывок всегда внезапен.

Заунывный свист ветра, слившись с гудками далёких автомобилей, сочился в прикрытые клеёнкой проёмы. Со временем на их месте появятся двери и окна, но пока стеречь здесь было нечего, кроме голых стен и пыльного тряпья. На бетонном блоке поверх подушки и простыни из одежды лежал мужчина. Его тяжелое сопение тонуло в столах женщины, качающейся на его бёдрах, будто всадник на измученном коне.

Взрослый по паспорту и подросток характером, под рассеянным уличным светом мужчина казался измождённым стариком. И чувствовал себя им, и был им отчасти. Его кожа блестела следами пота, на губу из носа сползала капля густой бесцветной слюны.

Крик рвался наружу, но застревал в горле; язык едва ворочался во рту, а слюнные железы, казалось, больше не работали. И не только они. Спину ломило, а ноги не ощущались вовсе. Моргание не спасало: веки тёрлись о роговицу, как щётка о подошву. С трудом удавалось различить вздымавшийся размытый силуэт; больше не существовало цве-

тов, только свет и тьма.

Тело больше не подчинялось умирающему мозгу. Двигалось на автомате, почти перестав что-либо ощущать. Пение улиц заглушалось внутренним гулом от замедляющегося кровотока, лишь всплески визгливого смеха и влажные хлопки пробивали стену глухоты. В воздухе витал запах вождения и распада. Каждый толчок бёдер отзывался в области почек. Тестикулы ныли, многократно опустошённые. Член горел и, казалось, кровоточил. Липкое и мягкое лоно не выпускало, снова и снова выпивая жизненные силы, словно гурман, высасывающий мозг из косточки.

Страдания усугублялись беспомощностью. Умирающий разлепил истончившиеся губы в отчаянной попытке что-то сказать, но изо рта вылетел не то кашель, не то вопль. Ответом стал смех, потом всадница ускорила. Всё, что можно было отдать добровольно, давно закончилось, и теперь она выдавливала, выцеживала остальное. Ни одна капелька жизненной эссенции не пропадала зря, всё оказывалось внутри, так или иначе.

Смерть сулит избавление от страданий, но путь к ней покрыт шипами, и именно он страшит. Человек, взрослый по паспорту, подросток характером, древний высохший старик телом, уже опёрся на сумрачную дверь, готовый рухнуть за порог, когда она распахнётся.

Оставалось немного. Одно мгновение, и у жертвы откажут почки, ещё одно – остановится сердце.

Всадница-Смерть прильнула к жертве всем телом. Последний вздох – самый вкусный.

1. Утро понедельника добрым не бывает

1

– Господи, твою мать...

Екатерина даже не успела вздрогнуть от всплеска, такой туман был в голове. По пальцам правой руки стекали капли кипятка, немного попало на плечо. Боль быстро утихла, холодный воздух остужал кожу, а тело защитила демисезонная куртка.

Утро понедельника не бывает добрым, как бы его ни скрашивали. Екатерина в который раз убедилась в этом. Помимо привычного недовольства и последствий позднего отхода ко сну: слипавшихся век и сильного желания прилечь на асфальт («Хоть волосы успела выпрямить, а то бы ещё и с бурой мочалкой на голове...») – каждый раз добавлялось что-то ещё. Вот и сегодня добавилось – в пластиковом стаканчике со свежим домашним кофе неспешно растворялись крошки пепла.

Екатерина запрокинула голову, будто ища в сером небе ответ на незаданный вопрос. И этим ответом стал плешистый мужичок в майке-алкоголичке и с сигаретой, тлевшей меж-

ду средним и указательным пальцами. Свесившись с балкона, он задумчиво глядел в туманную даль, в пространство за блеклыми многоэтажными домами и хмурыми лесами. Линия горизонта, как и всё недостижимое, завораживала тонкие натуры, а всё низменное, будь то ничтожество, копошащееся в мусоре, или вечно мрачная соседка по подъезду с картонным стаканчиком в руке, не имело значения. Всё тлен. Тлен и пепел.

– Чтобы тебе официанты в компот нассали! – Екатерина собиралась вылить испорченный кофе на землю, но заметила невзрачную фигуру, стыдливо жавшуюся у мусорного контейнера. Глубокие морщины вокруг желтоватых глаз и седые волосы выдавали возраст и плачевное состояние здоровья, а выдававшая виды шофёрская кепка и рваный дождевик из зеленого целлофана – нужду.

Старик, насмотревшись на дымящийся стаканчик, перевёл взгляд на Екатерину. Глаза старика печально блеснули.

– А-а, он испорчен. – Кивнув на свой кофе, девушка растерялась. Совесть боролась с безразличием, а может, и сама с собой. – Там пепел. Вкус вряд ли поменялся, но...

– Холод хуже. – Старик покачал головой. Его голос напоминал блеяние овцы.

Замолчав, старик смерил Екатерину взглядом и осторожно шагнул к ней, протягивая руки к согревающему питью.

«Отдать или выплеснуть? Траванётся ведь... Господи, как будто мне не всё равно».

Спасение пришло в виде автомобиля, незаметно подъехавшего сзади. Пронзительный гудок заставил вздрогнуть обоих; Екатерина пролила кофе, старик отпрянул к контейнеру, испугавшись резкого звука.

Водитель опустил боковое стекло и помахал Екатерине.

«Ну, наконец-то!»

Екатерина демонстративно поставила стаканчик на асфальт и поспешила к пассажирской двери. Выбор старика между холодом и отравлением её больше не касался.

– Балуешься благотворительностью, Кать?

Покрышки засвистели ещё до того, как Екатерина захлопнула дверь машины. Ярослав резко выкрутил руль, и автомобиль выехал из мусорного закутка на дорогу.

Екатерина отвернулась к окну и закатила глаза. По мягкому голосу и раздражающим наивно-восхищенным интонациям было непонятно, издевается над ней напарник или ему действительно интересно.

Как бы там ни было, а выговориться надо.

– Нет. Какой-то хмырь с балкона уронил пепел мне в кофе. Хотела вылить, а тут этот бомж.

– Попросил поделиться деликатесом? – Ярослав был из тех людей, которые легко совмещают два, а то и три дела. Например, ведут «Ладу Весту», копаются в бардачке без очевидной цели и общаются, тоже без очевидной цели. Послед-

нее он делал часто и с большим удовольствием. По крайней мере, в присутствии Екатерины.

– Вроде того. Такое себе, конечно, пить чёрный без сахара, да ещё и с трухой. Но хрен его знает, может, и это лучше, чем ничего.

Ярослав улыбнулся. Ему это шло, и тут реальность была бессильна.

– А мне вот интересно, подошла бы ты к тому бомжу вообще, если бы тебе в стакан не попал пепел? Что, если без этого кофе со стариком случилось бы что-то похуже?

– Например? – Екатерина повернулась к напарнику. Кучки сонных людей, ползущие по выцветшим улицам к станции метрополитена и автобусным остановкам, оказались не слишком захватывающим зрелищем. Добродушное лицо, напоминающее исхудавшего румяного колобка с кучей родимых пятен, далеко не худшая альтернатива.

– Представь, что сейчас он стоит у своего мусорного бака и цедит твою смолу, сплёвывает, морщится. Он стоит на месте. А вот если бы у него не было кофе, он бы пошёл куда-то, зазевался, а тут из-за угла – бах! – выскакивает спорткар какого-нибудь мажорчика и сминает его, как картонку. Вот так-то! – Ярослав цокнул языком и подмигнул. – Получается, что и ты, и мужик на балконе сыграли свою роль в спасении человеческой души. Даже двух!

Екатерина с улыбкой пожала плечами.

– Разве это не здорово? Мы все рыцари, передающие соль

прекрасной даме...

– А ты не думал, – усмехнулась Екатерина, – что он глотнёт, прочистит желудок и *после этого* выйдет на дорогу, не глядя по сторонам? И вот тут как раз выскочит твой мажорчик! – Скорчив гримасу, девушка хлопнула в ладоши.

Ярослав понурил взгляд, а затем перевёл его на дорогу. Улыбка с лица не сошла, но уголки губ слегка опустились.

– Такое ведь тоже может случиться. Да, Нострадамус?

– Всего не предугадаешь, всего не предвидишь. Просто делай, как считаешь правильным, и надейся на лучшее, а там судьба решит. Пей кофе, кстати, – Ярослав кивнул на подлокотник. – Не поверишь, вышел из дома и почувствовал, что сегодня его стоит взять. Удивительно, правда?

– Да уж. – Екатерина отхлебнула и поморщилась от горечи: кофе из вендингового автомата во всём уступал домашнему. – И привёз мне смолу из «Мака»¹. Сам-то не пьёшь, сердечко бережёшь.

– Может быть, для тебя и берегу, – осклабился Ярослав и, понизив голос, добавил: – А то ведь грустно будет, если меня хватит инфаркт, пока мы в пути на очередное смертельно опасное задание.

– Это задание ещё нужно получить, – отозвалась Екатерина и кивнула на дорогу.

Три оживленные полосы по мере приближения к центру сходились в одну. Над порогом гудящей, мурчащей и дымя-

¹ Сокращённо от «Макдоналдс».

щей разноцветной, преимущественно серой реки висел светофор. Загорелся красный свет, сотни автомобилей остановились.

«Утро понедельника добрым не быва...»

– Расслабься, без нас не начнут. Та-ак... – Ярослав открыл бардачок и вытащил оттуда коричневую сумку для компакт-дисков. – У меня тут новый курс лекций, ещё не начал. Ты больше по Бобу Марли или всё-таки по Иммануилу Нашему Всё Канту?

Будучи в связке с Ярославом вечным пассажиром, Екатерина регулярно поглядывала на часы, надеясь, что пробки на дорогах задерживали не только её с напарником, но и начальство. Ярослав же каждый раз мысленно благодарил всех богов за то, что боковой съезд не перекрыли. В противном случае ко времени в пути прибавилось бы несколько напряжённых минут езды по суетливой утренней промзоне.

Ярослав вздохнул с облегчением: со съездом всё порядке. Екатерина убавила громкость музыки, после шести песен ямайской легенды у неё болела голова. Хотелось крекеров – и ругаться, ведь даже за несколько лет сложно привыкнуть к размещению управления в такой глуши. Прокручивать в голове давний разговор с Ярославом на эту тему стало своеобразной традицией:

– *Интересно, по какой методичке решили, где размещать*

управления? Мы вот ещё на складе сидим, ребята на севере, слышала, чуть ли не в шахте.

— Рвется там, где тонко, — ответил тогда ещё малознакомый Ярослав. — А в этом районе очень тонко. Вот нелегалы и вылезают. Кто в труп вселится, кто землю осквернит, кто в подъезде нагадит. Естественно, прямо из очага их сподручнее отлавливать. Или ты хотела каждый раз через полгорода кататься? Тут уж или-или...

— А поселить нас в милицейском подвале не судьба, м-да, — подытожила Екатерина, наблюдая в окне бесконечную череду серых стен и чёрных труб. Со скукой можно смириться, но привыкнуть к ней невозможно. — Чем меньше люди знают, тем крепче спят.

— Нам же лучше. А то эти лентяи всё на нас спихивать будут. — Ярослав снизил скорость: впереди уже виднелось искомое здание. — «Оу, мой сыночка такой тихий, он бы не стал стрелять в одноклассников! Наверняка в него вселился демон! УБМУ виновато, не уследили». «Какой взрыв газа? Это просто полтергейст разыгрался. По всем вопросам — в Управление по борьбе с мистическими угрозами». «Управляющая компания провела плановые ремонтные работы, однако домовый учинил акт вандализма и вернул фасады в до-ремонтный вид». Да ну их всех, в самом деле!..

— Не спи — замёрзнешь! — Оклик Ярослава выдернул Екатерину из воспоминаний. — Приехали.

«Лада» остановилась напротив облупившихся стальных

ворот в трёхметровом бетонном заборе. На левой створке виднелись очертания двери с задвинутой заслонкой на уровне глаз. Чуть ниже поблёскивала кнопка вызова.

Екатерина вылезла из машины и подбежала к воротам, Ярослав посигналил и помахал рукой.

«Сам себе бульбулятор, блин».

Екатерина ткнула пальцем в кнопку вызова. По ту сторону ворот чуть слышно затрещал звонок, а через десять или двадцать секунд – зацокали каблучки.

Заслонка отъехала в сторону. В прорези показались голубые глаза и красное щекастое лицо.

– Идут домой верблюды да ищут, в кого плюнуть, – пробубнила Екатерина.

Заслонка захлопнулась. Потом щелкнул замок.

– Сейчас открою!

Под железной кровлей высились ряды заполненных стеллажей, в углах и вдоль стен под выцветшими накладными покоились ящики и картонные коробки. В глубине ангара виделось старинное пианино с дырой в крышке, будто от удара кувалды. У входа из-под маслянистого вороха ветоши торчала вилка штабелёра. Всё это дряхлое богатство покрывал слой серой пыли, где тоньше, где толще.

– Когда меня спрашивают, где я работаю, отвечаю: «На свалке». – Екатерина шла позади Ярослава, поглядывая по сторонам. – Барахло и рухлядь, но всё равно залезть могут, – ткнула она носком ботинка в раскрытую коробку. Сквозь пыль тускло блеснул корпус «зингера».

– Самое ценное не лежит на поверхности, – отозвался напарник, к тому моменту миновав половину стеллажей, – если только его там не прячут.

Ярослав извлёк из щели между наименее пыльными коробками пульт, похожий на трубку таксофона. Пластик еле слышно скрипнул под нажимом, и через секунду загудел пол: заработали скрытые под землёй приводы. Возникла трещина. Поначалу тонкая, словно границы государств на контурной карте, она ширилась секунду-две, и бетонные плиты разошлись, обнажая каменные ступени.

По мере продвижения напарников вниз на стенах вспыхи-

вали бледно-зелёные фонари. Вспыхивали – и гасли за спиной, оставляя Екатерину с Ярославом в неизменном островке света посреди чернильной тьмы. Оставшаяся позади плита вернулась на свое место, запечатав путь наружу. Отрезанные от внешнего мира, напарники не слышали ничего, кроме собственных шагов и дыхания. Говорить о чем-либо не хотелось; перила не сильно облегчали спуск, равно как и рельсы-пандусы, что подошли бы тачке или коляске для двойни.

«Надо бы установить лифт». Как ни полезно размять ноги после поездки, Екатерина предпочла бы лишний раз постоять или посидеть. Побегать-то всегда организуют.

Через полминуты спуска над головами Екатерины с Ярославом вспыхнул голубой свет. Путь преградила массивная металлическая дверь. Левее открылась панель с датчиками биометрии.

– Что неприятно в работе на спецслужбе, всегда есть кто-то, кто всё о тебе знает. – Екатерина прижала подушечку пальца к тактильному сенсору и, не дожидаясь одобрительного писка, перешла к сканеру сетчатки.

– Так-то оно так, но вот зачем всё настолько усложнять? – Ярослав помахал рукой в сторону, в темноту. – Эти штуки не засекают пси-энергию, а то, что тушка моя, видно и так.

– Не верь одним лишь глазам, – раздался низкий голос с потолка. – Всякого добра здесь навалом, можешь не сомневаться. Например, я могу сказать, пил ли ты вчера вечером или какой у Кати пульс.

– Конечно, можешь. Я же за рулём!

Долгожданный писк. Над сканером сетчатки загорелся зелёный светодиод.

– Проходите, ребята. – К треску из невидимого динамика добавился щелчок стальных засовов. – По Яру вижу, что не одержимый.

– А по мне, стало быть, не видно, да? – Екатерина улыбнулась в объектив над дверью. В буферной зоне за напарниками следили явно больше чем с двух ракурсов.

За дверью оказалось не в пример светлее, чем в тоннеле: плафонов и светильников хватило бы на небольшой кинозал.

– Теперь я точно знаю, что вы не вампиры – Из каморки сбоку от входа в «бункер» вышел упитанный мужчина в форме и с кобурой на поясе и распростёр объятия, – хотя, признаюсь, желание подставить тебе шею есть.

– Ух, Максим, не такая уж я кровопийца. – Екатерина мягко похлопала охранника по спине, звучало как от спелой дыни, а затем и повисла у него на шее, весело суча ногами. – Как ты?

– Порядок. Прокатился на пароходке. Оделся в пуховик, думал, замёрзну, а что вышло?

– А что же вышло?

– А вышло так, что с моей задницы семь потов сошло. Можно было собрать всё в таз и напоить половину Африки!

– Фууу, какая мерзость! – Екатерина кривлялась, намеренно пробивая Максима на беззлобный смех.

Ярослав покачивался, озибался и без энтузиазма рассматривал видимую часть поста охраны: шершавая салатовая стена за офисными перегородками – в ожидании, когда силовик выпустит сестру из объятий. Или она выпустит его.

– Ох, ничего, надо бы радоваться. – Максим, наконец, отстранился от Екатерины и пожал Ярославу руку. – Яр, ты ведь не изводил девушку «Критикой чистого разума» по дороге?

– Конечно, нет... – Ярослава прервал колкий смех напарницы. – Мысль не есть преступление. Только не говори, что у тебя есть штука для чтения мыслей.

– Пока нет, но я опытный физиогномист. И знаю тебя как облупленного.

– Да это один раз всего было! Сколько ещё будешь дразнить?

Компания затихла. Где-то вдалеке прокряхтела дверь.

– Тут как-то тихо, – заметила Екатерина.

– Да, вы припозднились, а работы, похоже, выше крыши. – Максим указал в коридор сразу за постом. Все двери были закрыты, никто не обменивался сплетнями у кулера. – Начальник всех собрал, построил и послал – на задания. Вас он тоже ждёт.

«Чтобы послать. На задание».

– Весело. – Екатерина уже зашагала в коридор, но опомнилась и на ходу помахала брату. – Пока, Макс. Ярик, не отставай!

– Да иду, сейчас иду. – Ярослав задержался у кулера. Чай сам себя не заварит, а кипяток процеживался медленнее холодной воды.

Максим не торопился возвращаться на пост. Запечатанный вход в городскую Нарнию никуда не денется, а перекинуться парой слов на работе редко с кем доводится.

– Опять зелёный? – Максим кивнул на дымящийся стаканчик в руке Ярослава. – Стимулировать третий глаз полезно для дела, но будь осторожен, а то переклинит – и уедешь в дурку.

– Да уж, постараюсь... не перетрудиться.

– Как там у Макиавелли? «Цель оправдывает средства»?

– «...если цель – спасение души». Де Лойола.

Напарники застали Михаила Сергеевича Табунина в его рабочем кабинете. Волнение не позволяло начальнику Управления по борьбе с мистической угрозой долго оставаться на одном месте, и к тому моменту, как Екатерина с Ярославом постучались и вошли, на белом ковролине уже протопталась тропа.

– Доброе утро, Михаил...

– Явились, Малдер и Скалли! – бросил Табунин, возвращаясь в кресло. – У нас тут такой, знаете, прорыв! Как будто чёрт сидит на потолке и страдает поносом, а я тут прямо под ним.

– Какая прелесть, – скривился Ярослав. Зеленый чай плохо сочетается с сортирным юмором.

– Ага. Семь девчонок ни с того ни с сего впали в кому. – Табунин нащупал на столе кистевой тренажёр, мячик из тугой резины, и зажал его между ладоней. – А на стройке в Люберцах нашли ёбаную мумию.

– Суккуб-убийца – всё равно что Винни-Пух, ломающий улья. Должно быть, поработали потусторонние паразиты, возможно, спектральные пиявки, – предположила Екатерина.

– Жаль, но предположениями от «верхов» не отделаться. – Лицо Табунина зардело от напряжения, и он выпустил мячик из рук. – Тут не просто шелупонь со спущенными штанами, а сосунок какого-то хера из мэрии. И жил пацан аж в Хамовниках. – Табунин швырнул на стол личное дело погибшего.

– И что же такая золотая молодежь забыла на такой далёкой и грязной стройке? – Ярослав без особого интереса перелистывал сшитые страницы. На самом деле, он даже не читал.

– У меня тот же вопрос. – Табунин откинулся в кресле. – Уверен, он не своими ножками туда пришёл. Уже допил? – кивнул начальник на пластиковый стаканчик из-под чая. – Чакры раскрылись? Или что у тебя там... С мертвыми поговорить сможешь?

Ярослав собрался что-то ответить, но успел лишь открыть

рот.

– Дуйте в морг и осмотрите тело. И остальное. – Табунин доверительно смотрел невозмутимой Екатерине в глаза и говорил, подкрепляя значимые слова вроде «морг» и «тело» короткими кивками: – Если пацана кто-то грохнул, нам придётся искать убийцу. Вернее, вам придётся искать убийцу.

– Понятно. – Екатерина подхватила досье и, не мешкая, вышла из кабинета.

– Да-да. И семь спящих царевен при шести агентах. А я вот не могу просто открыть биржу труда и сделать вид, что ищу сотрудника. Хоть сам на смотрины выезжай! – Табунин жизнерадостно потянулся, но тут же вздохнул, точно вспомнил, что стоит перед свежезакопанной могилой. – Совсем девочки, хуёв не видали ещё... со слов родителей конечно же – Начальник УБМУ хохотнул, глядя Ярославу в спину. – Молодые совсем, а тут хрень такая...

2. Есть много способов умереть

1

Часы на приборной панели показывали семь минут одиннадцатого, но небо всё ещё не прояснилось. Редкие капли дождя врезались в крышу со звуком, похожим одновременно на стук по пустому ведру и хлопок большого мыльного пузыря. Звуки улицы смешались в один гремющий, звенящий, свистящий ропот, от которого хотелось отгородиться поднятыми стёклами. На его фоне мурчание мотора казалось музыкой, а настоящая жизнерадостная музыка звучала иронично, словно госпел в постапокалиптической пустоши. Цвета потускнели, белое казалось серым, серое казалось чёрным. Лишь светофор на перекрёстке горел злобющим красным глазом, сменяясь ядовито-зелёным и болезненно-жёлтым.

Весь оставшийся день грозил пройти в безнадёжной пасмурной апатии.

– Вот бы это были мигранты-нелегалы. – Взгляд Екатерины неторопливо скользил по монотонным фасадам домов и тротуарам в надежде, что нечто выбьется из потока и сгонит осеннее оцепенение.

Хмурый мир нуждался в бабьем лете.

– Знаешь ведь, что не они. – Ярослав мельком взглянул на напарницу. – Они бы просто не смогли такое повернуть. Физически!

– Хех. – Спасаясь от скуки, Екатерина вцепилась в новую задачу. Воображение нарисовало гротескные, порой абсурдные сцены с жертвой, кровожадными садистами и хитроумными приспособлениями, словно сошедшими с экранов фильмов о безумных учёных...

– Нет, я всё-таки рад, что мы работаем с паранормальщиной, а не с криминалом! – Заметив отражение в боковом стекле, Ярослав поёжился от пробравшей его жути: на лице Екатерины выступил тёмный восторг. – В борьбе человека с человеком всегда будут жертвы. За каждым осуждённым стелется горе его близких. И его собственное.

– За каждым убийцей стелется ковёр из трупов, за каждым вором – нищета и страдания. – Екатерина отвлеклась от воображаемой экзекуции и обернулась к напарнику. – Когда человек решает, что его хотелки важнее окружающих, он выходит за рамки твоего любимого гуманизма.

– У человека есть мотивы. Они всегда есть. Он разумен! – Ярослав чуть не выпустил руль из рук. – У полтергейстов и призраков нет сознания, чувств, эмоций. Они просто сгустки психокинетической энергии. И это всё упрощает.

– А как насчёт демонов, вампиров и прочего по списку? С этим что делать, товарищ гуманист?

– Они как раз разумны и ведут себя тихо. Им нужна энер-

гия в том или ином виде, чтобы выжить, и это как раз человеческий мотив. С ними можно договориться.

– Мы для них еда. Хавчик. Каковы у коровы шансы договориться с мясником? – Екатерина усмехнулась. – Или у бройлерного цыплёнка? Пищевую цепочку никто не отменял, Ярик. И мы в ней совсем не на вершине.

Ярослав выкрутил руль влево: увлечённый спором, он едва не пропустил поворот. Екатерину вдавило в дверь; девушка чуть не ударилась виском о стекло. Шины взвизгнули; в опасной близости от капота пронёсся фонарный столб, от края тротуара отшатнулось несколько человек, но стараниями Ярослава угроза миновала. Лишь за спинами напарников раздался стук: один глухой удар, словно что-то грузное проехалось внутри полупустого багажника и уткнулось в стенку, отделяющую его от салона.

Сквозь шум проклевывался звон стекла.

– О, блеск. – Екатерине звук явно не понравился. – Давай как-нибудь поаккуратнее, не дрова везёшь.

– По-моему, это очень неудобно – хранить свой набор начинающего химика на складе в Управлении.

– Будь это моё барахло, было бы проще, – согласилась Екатерина, с тревогой оглядываясь на спинки пассажирских сидений, – но техника казенная. Больше бумажек, больше телодвижений, больше танцев с бубном!

– Тебе надо второй такой завести.

– Бубен?

Оба сдержанно рассмеялись. Черета унылых улиц все никак не заканчивалась, а там, где не светит солнце, зажигают свечи.

– Нет, солнышко! Чемоданчик... Ну чего? – Екатерина, прищурившись, хихикала над чем-то непонятным Ярославу. – Не, а вдруг реально настанет конец света, тебе понадобится счётчик Гейгера, газоанализатор и вот это вот всё... Будешь заполнять кучу бумажек и только потом спасать мир? Подстели солому!

– Уж к чему, а к «солнышку» я не была готова, – Екатерина принялась собирать волосы в хвост, – меня так только братец зовёт.

– Да? А мне он какое прозвище дал? – Ярослав хотел было включить музыкальный проигрыватель, но передумал: судя по цифрам на экране казённого, можно сказать, эксклюзивного навигатора, ехать оставалось недолго. – Что-нибудь вроде Трёхглазого или Шизика, я угадал?

Екатерина не ответила. Улыбка на её лице потухла. Взгляд девушки уткнулся в экран навигатора. Желтый треугольник, обозначающий Ярославину «Самару», слишком медленно приближался к флажку с чёрно-белыми квадратиками, хотя расстояние всё сокращалось: от десятка километров осталась лишь сотня-другая метров.

Секунды молчания тянулись как старая солонина.

– Ну, так как? – Ярослав сбавил скорость, подъезжая к шлагбауму. – Как Максим называет меня, пока вы обсужда-

ете свои дамские секреты?

– Никак, – буркнула Екатерина и помрачнела. – Не отвлекайся. Мы почти приехали.

Миновав подстанцию скорой помощи, машина выехала на асфальтированный пустырь, в дальней части которого стояло одинокое здание судебно-медицинской экспертизы. С синей кровлей и фасадом, облицованным двухцветной плиткой, оно внешне выбивалось из общего настроения. Перевалочная станция для тех, кто умер не своей смертью, выглядела на удивление жизнеутверждающей.

– Это такой чернушный юмор. – Ярослав расплылся в нервной улыбке, паркуя автомобиль. – Даже узоры выложили. Не удивлюсь, если внутри на стенах цветочки нарисовали.

– Или хотя бы полили те, которые в горшках. – Екатерина выбралась из салона. Проследив за напарницей, Ярослав отворил дверь и нажатием кнопки открыл багажник.

– Надеюсь, ничего не сломалось. – Вынув кейс, Екатерина захлопнула дверь и не стала ждать, пока напарник, ведомый какими-то своими мотивами, перепаркует авто на практически свободной площадке. К странностям Ярослава Екатерина уже давно привыкла. Иногда эти странности полезны.

Предсказание Ярослава по части рисунков не сбылось. Салатовые стены, кресла и диваны в чехлах цвета не то песка, не то грязи, часы в чёрной квадратной раме и белые двери под светом сокрытых плафонами ламп, часть которых пе-

регорела подобно многим врачам...

Ничего не изменилось. Здание всё так же походило на забальзамированный труп, коих и внутри него всегда было в достатке. За наруганным, *живым* фасадом скрывались ороговевшие ткани коридоров и комнат, а «тело» существовало лишь за счёт впрыскиваемых в артерии химикатов — людей, знающих о смерти чуть больше остальных.

Чуть больше, но не всё.

Екатерина шла за судмедэкспертом невозмутимо и бесстрастно. Надень она медицинский халат, её можно было бы принять за местную работницу. Напарнику путь вдоль пустых гробов и полных столов дался тяжелее. Видит бог, Ярослав ненавидел это место. Наверное, даже сильнее, чем излишне безгливый студент, непонятно как доучившийся до шестого курса. Даже сквозь мешки следователь УБМУ видел *их*. Видел, как в покинутых жизнью оболочках циркулировало то небольшое, что осталось от души. Иногда *они* чуть заметно дрожали, если с момента гибели прошло много времени; иногда *они* дрыгались, словно висельники, из-под которых только что выбили табуретку; иногда, если смерть настигла недавно, *они* сажались, а то и вставляли мешок или покрывало. Призраки смотрели на Ярослава, потому что он их видел. Сознание угасает быстро, но привычки въедаются в душу при жизни и какое-то время сохраняются в теле

– в ничтожных остатках души. И привычкой многих было именно эта: бездумно пялиться в *Ничто*, на котором мельтешит скоротечное *Нечто*.

«Когда-нибудь и она умрёт, и тоже будет пялиться, – подумал Ярослав, глядя Екатерине в спину. – И я умру. Но не буду пялиться!»

– Знаете, я уже видел нечто подобное, – в голосе врача сквозили нотки радости, словно у археолога после находки древнего артефакта, – на фотографиях из концлагерей. И из Африки.

– Настолько всё плохо? – Вопрос был задан Екатериной скорее из вежливости, чем из любопытства. Понятия «хорошо» и «плохо» сложно увязать со смертью.

– Да, словно чрезвычайно волевого вегана на месяц заперли в мясном отделе. Вы сейчас сами увидите. Пакет нужен?

Ярослав вымученно помотал головой: вопрос адресовался ему. Вид у него был такой нездоровый, будто он впервые в жизни прокатился на «американских горках».

– Я не в первый раз вижу трупы!

Остановившись у изголовья нужного стола, судмедэксперт пожал плечами, а затем выразительно взглянул на Екатерину и на покрывало: «Зрелище будет не из приятных».

– В крайнем случае... – Екатерина покосилась на мусорное ведро, столь удачно стоявшее под столом.

– Ну как скажете! – Врач надел перчатки натянул на нос маску – больше для вида, чем для пользы.

Когда всё было готово, а напарники замерли перед столом, врач сдернул покрывало.

На холодной поверхности лежало нечто, что было трудно назвать телом человека, тем более взрослого. Скелет, обтянутый сморщенной кожей. Лишь присмотревшись, можно было заметить волокна ссохшихся мышц. Синие губы обвисли, живот провалился. Волосы местами отсутствовали, отчего голова казалась покрытой пятнами лишая.

– Волосяной покров отслоился вместе с ороговевшим и отмершим эпителием, пока тело перевозили и укладывали. Ещё немного отпало во время вскрытия, – комментировал врач, убирая покрывало в сторону. – Его как будто всего провялили. Засушили как рыбу. Ожогов нет, следов насилия тоже. Разве что... – он ткнул пальцем в пах мертвеца.

Кожа члена оказалась истёртой и местами порванной. Лобок покрывали язвы: волосы не просто выпали, а их вырвали с корнями.

По взгляду судмедэксперта Екатерина предположила, что под марлевой маской скрывалась скабрёзная ухмылка, которая была бы естественна для студента или новичка, но не для того, кто препарирует трупы ежедневно.

Поначалу Ярослава мало интересовали физические подробности, он смотрел даже не столько на тело, сколько вокруг него. Но когда взор медиума пал на труп – на пах трупа, Ярослав вздрогнул. Он почувствовал, как от лица отлила кровь, приближая его к зловещим маскам призраков, кото-

рые невольно оставались рядом с собственными останками или местом гибели.

– Онанизм детям не игрушка, – мрачно проговорила Екатерина, украдкой посматривая на напарника: нужно ли ему ведро. Ярослав держался, хоть и с трудом. – И взрослым тоже.

– Кое-кто бы поспорил, – буркнул врач.

– Что показало вскрытие?

Судмедэксперт ухватился за край шва на животе трупа и приоткрыл рану, словно очищая апельсин от кожуры. Ярослав содрогнулся. Заслышав прерывистое дыхание напарника, Екатерина выхватила и всучила ему мусорное ведро.

– Внутренние органы ссохлись и сжались, кровь загустела. Для своего возраста у пациента слишком тонкие кости. Такие могут быть у старика лет семидесяти...

Фразу прервал сдавленный вопль омерзения, сопровождавшийся шлепками рвотных масс о целлофан. Екатерина скривилась, хоть и стояла к мучившемуся Ярославу спиной. Судмедэксперт лишь пожал плечами: к таким казусам он давно привык.

– И от чего он... умер? – сипло спросил Ярослав, отдышавшись.

– От дегидратации. Такое ощущение, что... – Врач было захихикал в кулак, но, спохватившись, сымитировал кашель.

– «Такое ощущение, что»?.. – настояла Екатерина.

– Будто пацан засунул пенис в розетку, но не сгорел, а

высох. Или даже так: пенис поместили в шланг работающего пылесоса, а всё остальное – в соковыжималку.

Повисло неуютное молчание. Прошла секунда, вторая... Ярослава вырвало повторно. Ведро, к счастью, всё ещё было при нём.

– У вас, ребята, смотрю, богатая фантазия! – брезгливо морщась и одновременно с этим смеясь сквозь зубы, Екатерина отпрянула от стола. – С вашего позволения, мы повторно осмотрим тело.

– Ты что-то увидел?

Не столько вопрос, сколько утверждение.

Пока Екатерина готовила приборы, Ярослав, шатаясь, дошёл до умывальника. Скрипнул смеситель, зажурчала вода. Горевшее лицо медиума поостыло и очистилось. Двойник из зеркала и оригинал пьяно смотрели друг на друга.

– Это ненормально, – прошептал Ярослав.

– Это я вижу, – отозвалась Екатерина, щёлкая приборами и наводя их на труп. – А что-нибудь конкретное скажешь, Яр?

– У человека есть душа, Кать, – начал медиум, отпрянув от умывальника, – у меня, тебя. У всех.

– Ты знаешь, я в это не верю, – пробурчала Екатерина, заполняя блокнот показаниями приборов. – Есть мозг, гормоны, психокинетика и помутнение рассудка. А то, что ты зо-

вёшь душой... – Екатерина покачала головой. – Со временем и это объяснят. Как по мне, это что-то вроде статического электричества.

– А если я скажу тебе, – Ярослав подскочил к столу и ткнул пальцем в сторону злосчастных останков, чуть не коснувшись их, – что у туш в морозилке больше этого твоего... электричества, – отдёргнул руку, как если бы рядом действительно стояла холодильная камера. – Оно у них хотя бы есть! Тут же нет вообще ничего! Он... – Ярослав снова ткнул пальцем в труп. – Он как пепел, оставшийся после кремации.

– То есть ты ничего не видишь? – Екатерина оторвалась от записей и внимательно посмотрела Ярославу в глаза. – Может, надо ещё зелёного чая? Ты вроде давно его пил.

– Н-нет, я в порядке. Я *вижу*! Вот тут вижу, – Ярослав обернулся и кивнул на соседний стол с торчащими из-под покрывала женскими ступнями. – Вот там вижу, – указал на закрытую дверь в коридор и добавил: – Он, кстати, подглядывает.

Нахмурившись, Екатерина пересекла комнату и, замерев и задержав дыхание, прислушалась. За дверью спутанно зашаркали; звук удалялся, будто преступник пытался скрыться с места преступления. После паузы шаги возобновились. Но назад, к двери.

– Вы там как? Закончили?

Притворно спокойный голос судмедэксперта.

– Нет ещё! – Екатерина бросилась к столу с оборудовани-

ем. Пристальное внимание посторонних было не в новинку, но показания приборов нет-нет да отвлекали от «шпионских игр».

– А вот здесь – не вижу! – закончил Ярослав, успокоившись.

– Следов радиации нет, газов нет, из внешних повреждений только... хм... – пробормотала Екатерина, вытаскивая из кейса глюкометр. Взгляд её упал на раны в паху трупа. – Сделай, пожалуйста, пару фотографий, – обратилась она к Ярославу. – Общим планом, и эту мерзость тоже сними.

Щелкнула ручка-прокалыватель. Ампула наполнялась неохотно.

– Мне кажется, кровь мертвеца нам ничего не даст, – заметил Ярослав, нависая над телом с мобильником в руках.

– Я бы его всего забрала в лабораторию, но это палево. – Екатерина извлекла из глюкометра полупустую ампулу с густой тёмной кровью.

– Может, ещё грязь из-под ногтейхватишь?

– Нет, это и без нас уже посмотрели. Я бы...

В глаза Екатерине бросился глянцевый блеск на коже трупа. Ярослав тоже его заметил. Присмотревшись, напарники разглядели крохотный комок слизи на одной из ранок. Екатерина поморщилась, Ярослав тоже, однако размышлять времени не было. Екатерина натянула резиновые перчатки, вооружилась миниатюрным пластиковым совочком из химического набора и, стараясь зачерпнуть как можно больше,

отправила слизь в пустую колбу.

– Я даже комментировать не хочу. – Ярослав следил за действиями напарницы с сардонической улыбкой.

– Оно даже не совсем прозрачное, тут какие-то прожилки... – протянула Екатерина, подставив колбу под свет лампы. Интерес исследователя пересилил человеческую брезгливость. По крайней мере, на время. – Только что ведь не было, верно? Трупорез сказал о ранах, но ни слова о выделениях.

– Мне кажется, это всё из-за какой-нибудь «венеры». Подцепил каких-нибудь бактерий, расщепляющих воду, или типа того.

– Да вот мне тоже так кажется, но... – Екатерина прыснула: в голове всплыла аналогия патологоанатома со шлангом и соковыжималкой. – Вечно вы, мальчишки, суёте куда не следует!

Ярослав нервно хохотнул и огляделся. Нездорово-зелёный, залитый электрическим светом перевалочный пункт на пути мертвецов к вечному покою. Или реинкарнации. Или к ожиданию воскрешения и последнего суда. Мужчины, женщины, дети, старики – все такие разные, но при этом похожие друг на друга. У всех есть бирки, все раздеты и со вскрытыми и зашитыми животами. И вокруг каждого витали остатки субстанции, которую принято называть душой. Иные находились здесь же, в морге, не готовые смириться со смертью тела, чей облик и переняли. Другие были светящи-

мися шариками, окружённые дымкой лучей, пут, тянувшихся от бренной темницы и постепенно истончавшихся. А третьих уже не было в этом мире, от них остались лишь изви- вающиеся, словно ложноножки огромной невидимой амёбы, обрывки эктоплазматических нитей по контурам тела.

И было *оно*— иссушенное, опустошённое тело, будто ис- кусно выточенная из дерева или камня или вылепленная из глины скульптура, у которой, казалось, никогда не было ду- ши.

Ярослава передёрнуло. «На одном из этих холодных сто- лов окажусь и я».

Екатерина отворила дверь в коридор. Судмедэксперт сто- ял там же, будто никуда и не отходил.

— Мы закончили. Предоставьте нам копию отчета о вскры- тии.

Осень уже вступила в свои законные права, но отголоски лета ещё не растворились в ней. К обеду саркофаг туч потрескался, и на землю полился золотистый свет. Город, пусть и ненадолго, воспрянул духом. Асфальт и коридоры из жилых домов напоминали огромный костяной сервиз, инкрустированный камнями: остатки зелени горели изумрудами, а жёлтые листья – янтарём. Лужи поблёскивали, окна тоже.

Подходящий момент для передышки и перекуса.

«Весту» припарковали у спортивной площадки напротив одной из многоэтажек, еду взяли в теснившемся между подъездами магазинчике. Вместо песен «короля регги» из динамиков лился тихий бубнёж чтеца. Екатерина не возражала, занятая раздумьями и покупным бутербродом, хотя и вряд ли была в восторге. Ярослав и сам едва ли вслушивался, его успокаивал голос. Потрясение, пережитое в морге, ещё давало о себе знать. Глаза медиума зрели в пустоту. Grimасы на его лице резко сменяли друг друга, отражая повороты в течении мыслей. За нервной улыбкой следовал печальный вздох, а затем и содрогание от ужаса и омерзения. Потом усмешка...

Екатерина относилась к сверхъестественному – к новым проявлениям сверхъестественного – куда спокойнее.

– Песцовые пылесосы, – вздохнул Ярослав и вяло потя-

нулся к проигрывателю. Даже ценителю порой надоедает чад философского костра. – О-хо-хой...

– М-да... – Глотнув воды, Екатерина закрутила крышку недопитой бутылки и мотнула головой, готовясь вновь окунуться в работу. – Итак... надо осмотреть место, где его нашли.

– Уверен, на стройке уже всё пропесочили, – зевнул Ярослав, потягиваясь.

– Пропесочили или нет, а съездить надо...

В салоне потемнело, будто наступили сумерки. Широкая тень упала на напарников и тару от обеда. Над дверью со стороны Екатерины навис мужчина в облезлой кожаной куртке. Невысокий и невзрачный, он криво улыбался и подмигивал опухшими глазами.

Незнакомец постучал в окно и промямлил едва разборчиво:

– Здорово, красотка! Слышишь меня? Да-да, это я тебе. Как смотришь на то, чтобы прогуляться за вон ту будку и оторваться по полной с самым горячим мачо, которого только испытывала твоя киска?..

Ярослав сидел, вытаращив глаза: оказывается, *такое* бывает не только в кино и анекдотах! Прямо сейчас, прямо перед ним. Уголки губ Ярослава поползли вверх, но вместе с тем росла и тревога: незнакомец явно не собирался отставать. Он постучал снова, затем дернул за ручку, благо дверь была заблокирована, и всё продолжал убеждать Екатерину в

своих достоинствах.

– Ну чё ты ломаешься? Думаешь, я только языком трепать могу? Хе-х, я вообще много чего могу языком, тебе понравится. А этот? – указал мужик на Ярослава. – Да он никто. Хочешь, я его раз на раз? Пять секунд – больше он не простоит. Зато у меня на тебя, красотка, простоит хоть пять, хоть десять часов, хе-хе!

Но бояться чужаку следовало отнюдь не Ярослава.

Голова и плечи Екатерины затряслись от напряжения. Щёлкнув костяшками пальцев, девушка с лютой злобой в глазах повернулась к Ярославу.

– Открой дверь, – произнесла она замогильным тоном.

Ярослав помотал головой. Он знал, к чему всё движется, и повернул ключ зажигания, готовясь перегнать машину.

– Кать, нам всё равно уже пора...

– Открой! – повторила Екатерина уже громче.

Чужак тем временем приблизился и чуть ли не упёрся грудью в стекло, бухтя незамысловатые призывы и показывая недвусмысленные жесты.

– Ты даже не знаешь, от чего отказываешься. Девки вроде тебя дерутся за право потрогать мой бицепс...

– До добра это не доведёт, – пробормотал Ярослав, готовясь щёлкнуть переключателем на панели управления.

Екатерина положила ладонь на дверную ручку и сжалась, как кобра перед броском.

Щёлкнул скрытый замок.

«Итак, началось».

Чужак, заметив, что девушка открыла дверь и вот-вот покинет салон, склизко улыбнулся и шагнул назад.

Недостаточно быстро.

Дверь, резко оттолкнутая ногами, врезалась чужаку в грудь.

– Ай, бя...

Не успел чужак опомниться, как ему прилетел удар в лицо. Мужчина потянулся к носу, пятясь и выставя ладонь в мирном жесте. Но Екатерина не останавливалась. Она молча вцепилась обидчику в ухо и била в нос. Раз за разом. После третьего удара кровь уже заливала лицо и одежду верещававшего чужака и капала с пальцев Екатерины.

– Ы-ыхы-ы... ы-ыхы-хыя-я!.. – Чужак закрыл окровавленное лицо и осел на колени.

Брезгливо морщась, Екатерина оттолкнула его и вернулась в машину. В салоне запахло кровью.

– Это было слишком, – проронил Ярослав, отъезжая. В зеркале заднего вида он увидел, что обидчик (а может, и жертва) его напарницы свернулся в позу эмбриона и прикрыл голову локтями, будто ожидая новых ударов. – Неправильно это как-то.

– Им скажи! – огрызнулась Екатерина, кивая на группу побледневших головорезов, выглядывавших из-за ближайшей трансформаторной будки. Они провожали автомобиль Ярослава взглядом, исполненным ужаса, но с ноткой разо-

чарования. – Похоже, эти ёбари следили за успехами своего «казановы» и ждали, пока он им кого-нибудь притащит.

Ярослав не знал, что ответить. В зеркале заднего вида он видел, что в засаде затаилось шесть или семь человек.

«Такого и врагу не пожелаешь. Разве что заклЯтому».

– Я не знаю, КатЬ. Но ты его чуть не убила.

– Он бы не стал горевать обо мне или о ком-либо ещё. Да и что бы это дало? – Екатерина вытирала окровавленную руку оберткой от бутерброда, позабыв об упаковке влажных салфеток в нише в подлокотнике. – Это меньшее зло.

– Я больше не хочу это обсуждать. Что у нас дальше по плану? Едем на место преступления? Подскажи, куда ехать, ладно? У меня руки на руле.

– А у меня – в крови, – Екатерина раскрыла карту.

– Вот почему все видят тебя либо серьезной, либо милой, и только я вижу тебя такой... разной? – Ярослав поднял взгляд к небу. Точнее, к потолку.

– С тобой мне не надо притворяться, Яр, – улыбнулась Екатерина.

Если бы дома были живыми, то стройку, на которую прибыли Екатерина с Ярославом, было бы уместно сравнить с ребёнком, умело прячущим чужие игрушки от родителей.

– Мы точно не ошиблись адресом?

Ярослав покачал головой. Он довёз их ровно туда, куда следовало, всё остальное – проблема завышенных ожиданий и проседающей реальности. Осмотрев место преступления, милиция не оставила после себя ни следа, ни ограждений, ни улик. От прочих площадок эту отличало лишь отсутствие рабочих. Осмотр не сулил никаких откровений, да и дар Ярослава едва ли принёс бы пользу, но протокол есть протокол. Уже завтра работы возобновятся, и обезлюдевший пяточок лишится какой-либо ценности. Екатерина поставила чемодан с приборами на ближайший подоконник.

Бетонный блок, на котором нашли тело, не успели никуда переместить. Слой пыли лежал неравномерно, как и ожидалось; след от одежды, использованной вместо простыни, ещё просматривался. Екатерина знала, что занимается мартышкиным трудом, но какое-то время добросовестно пачкала колени и рукава, проверяя помещение на наличие нематериальных следов. Приборы сменяли друг друга, а информации не становилось больше. Ярослав побродил по помещению, щурясь и напрягая слух – вероятно, больше из желания под-

держат напарницу, чем надеясь обнаружить что-то новое.

Отряхнувшись в последний раз, Екатерина оглянулась на Ярослава: тот молча покачал головой. Екатерина устало вздохнула. Грустно, но никто особо и не надеялся, что эта часть расследования внесёт ясность в произошедшее.

– Здесь мы закончили. Звони боссу.

Пока Ярослав нарочито медленно возился с мобильным телефоном, Екатерина пыталась оформить имевшиеся кусочки пазла в подобие картины: начальник обязательно спросит её на предмет версий.

Ярослав поднёс телефон к уху. Екатерина пришла к выводу, что сегодняшний пазл оказался бракованным.

Гудки сменились помехами, а затем из трубки пробурчали:

– Давай. Что там у тебя?

Видимо, начальство было занято чем-то очень серьёзным и требующим глубокой сосредоточенности.

«Пасьянс сам себя не разложит».

– Шеф, даже не знаю, как сказать...

– Скажи, как знаешь. Или дай Катю.

Екатерина представила напарника мямлящим в трубку, а Табунина – выслушивающим поток несвязных слов с каменным лицом. Пробило на смех. Ярослав, судя по всему, представил нечто похожее и молча протянул телефон Екатерине. Она театрально закатила глаза, но мобильник взяла.

– Осмотрели тело, проверили стройку, сейчас находим-

ся там. Пацан обезвожен как чернослив. Приборы ничего не показали. Ярик говорит, что на теле нет следов психической энергии.

– А?

– Души нет! – От вопля Ярослава под самое ухо Екатерина поморщилась, как и, вероятно, поморщились по ту сторону канала. – У всего морга есть, а у него нет! Как пылесосом высосало!

– Весело у нас, правда? – Табунин вымученно посмеялся. – Каждый день как праздник. Радоваться надо, но почему-то не получается! Хотя какие-то догадки есть?

– Есть раны в паховой области, там же была слизь, вроде предсеменной жидкости, – Екатерина поморщилась. – Но с ней явно что-то не так. Пржилки, как в клубничном йогурте.

– Болячка? – судя по голосу, с лица Табунина сходила улыбка. Мало кто любит разговоры о болезнях, и ещё меньше – о венерических.

– Не знаю, я в этом не эксперт, надо проверять. Подозреваю, что паразиты. Вряд ли они у него давно, думаю, кто-то его заразил.

– Услышал тебя. Значит, ищем бабу. Сузили, понимаешь, круг...

– Не думаю, что это суккуб. Не убивают они, тем более так грубо.

– Услышал тебя. Что-нибудь на стройке?

– Как и ожидалось, ничего. После ментов всегда ловить нечего.

По ту сторону трубки промолчали, но тишину нарушил скрип пластмассы, будто Табунин поёрзал в кресле.

– Великолепно, мать его.

– Мы взяли образец слизи на анализ, возвращаемся в Управление.

– Нет, подожди.

«А какие у нас варианты?» – чуть не выпалила Екатерина, но сдержалась. Табунин хоть и производил впечатление хамоватого карьериста, но своё дело знал. В бытность новичком Екатерина застала его рядовым оперативником, видела его стремительный, даже подозрительно стремительный взлёт. Например, он удивительно быстро пресёк деятельность вампира-убийцы, хоть теперь и неизвестно, ликвидирован тот или на долгие годы залёг на дно. Это оказалось неважно: высшее руководство посчитало, что для Управления приоритетнее умение прятать концы в воду, а не поиск виноватых и неукоснительное следование протоколам. Учитывая, с кем и чем приходится работать, это отчасти правда.

Начальник молчал, размышляя над ответом. Екатерина с Ярославом глядели на телефон, будто решение должно высветиться на экране, а не раздаться из динамиков. Напряжённое молчание длилось секунд десять.

– Жопой чую, что везти эту штуку к нам – хреновая идея. Опасная. Пусть этим займётся кто-то другой, а мы придём

на готовенькое.

Екатерина не сдержала нервного смешка. Интересно, насколько всё плохо, раз поддержание секретности подразумевает привлечение посторонних?

– В самом деле? И кто бы это мог быть?

Динамики передали тяжёлый вздох. Екатерина почувствовала, что её веки тяжелеют, и с трудом подавила зевок. Сложные дела интересны, но быстро выматывают.

– Видит бог, я этого не хотел. Езжайте в «Блумлили», это аптека, её владелица может помочь, если захочет. Она... разбирается в чертовщине.

– Верующий химик, какая прелесть, – скривилась Екатерина.

– Она не из тех, кто верит! Она из тех, кто знает!

Краем глаза Екатерина заметила, как Ярослав вздрогнул. Он нервничал, но, возможно, не столько из-за реакции Табунина, сколько из-за проблемного расследования в целом. А может, и из-за перспективы столкнуться с «той, кто знает», что бы это ни значило.

– В общем, езжайте к ней. – Тон начальника лишился агрессии и даже стал несколько... просящим? – Я скину адрес и вывеску аптеки, она такая одна, не перепутаете. И ещё... у-ух... С ней может быть тяжело, но постарайтесь повежливее. Позаискивайте, если надо.

«Вот ещё!» Екатерина закатила глаза.

– Она что, настолько полезна?

– Или это ваша бывшая? – встрял Ярослав, причём по тону нельзя было определить, шутит он или просто интересуется.

– Скажем так, с ней лучше поддерживать хорошие отношения. Давайте, не задерживайтесь! У нас ещё полно работы. У *вас* ещё полно работы.

Юго-восток. Определив направление, Екатерина словно почувствовала затхлый душок, так прочно оно ассоциировалось с топью, хотя от Сукиного Болота остался лишь топоним. Как запах формирует вкус, так и имя формирует отношение. Впрочем, это не имело особого значения, ведь путь напарников даже не пролегал через запоминающуюся своим названием местность. Просто по мере расследования, а точнее вдумчивого топтання на месте и накрутки километров пробега, в мысли вкрадывалось всё больше несущественных вопросов. Несущественных в том плане, что ответы на них ни на что не влияли.

Рано или поздно один из таких вопросов должен был выйти на обсуждение. Инициатором выступил Ярослав.

– И давно у нас аутсорсинг?

– У нас? В смысле, в России или в мировой практике?

– В смысле, в УБМУ. У нас есть лаборатории, всякое барахло, – Ярослав указал большим пальцем за спину, в сторону багажника с чемоданчиком. – Мозги тоже есть – в твоей светлой головушке. А нас посылают на консультацию... в аптеку?

– В «Блумлили», она же «Цветущая лилия», она же «Ландыш». Правда, судя по фото вывески, наш аптекарь использует оккультные символы в оформлении и не ожидает наезда

испанской инквизиции.

– Между прочим, «оккультный» не значит «злой»! Пентаграмма изначально была про пять элементов и защиту, а не про «аццкого сотону».

– Только давай говорить буду я. А то, уверена, ликбез по алхимии – это жуть как интересно, ты увязнешь в беседе и – хватать! – вы уже сидите в интимной обстановке при свечах и раздеваете друг друга глазами.

– Воу-воу-воу! Полегче, женщина! Я сосредоточен на работе! – Ярослав комично поджал губы, чем вызвал у Екатерины приступ едва сдерживаемого смеха, а затем перешёл в контрнаступление: – А вдруг наш консультант – солидный мужчина или симпатичный молодой провизор? Тогда что? Мне придётся катать вас по городу, пока вы доверительно общаетесь на заднем сидении?

– Не дрейфь! Босс сказал «владелица». – Екатерина взглянула в телефон, сверилась с сообщением от Табунина. – Валерия Зимина.

– Ммм, бизнес-леди. Интересно, с чего бы ей с нами сотрудничать? Уж не крышуем ли мы её за всё хорошее?

– Возможно. Табунин явно с ней знаком и, похоже, побаивается. Может, она барыжит препаратами или органами на чёрном рынке, а аптека – для отмыва. Или, может, она охренеть какой специалист и отказывается работать за оклад.

– А может, она ведьма и насылает порчу и понос на всех, кто ей не нравится?

– Раз уж я сижу в одном салоне с настоящим медиумом, то и вариант с поносом не исключается. Так или иначе, она должна быть нам полезна, раз босс послал именно к ней. Дело-то серьёзное...

За разговорами время и километры летели незаметно. Ярослав вырулил в неприветливый переулок, состоявший из бурых и жёлто-серых хрущёвок и пары трёхэтажных кирпичных домов. Возле одного из них, примечательного различными вывесками на уровне первого и второго этажей, Ярослав и припарковался.

– Что же, это хотя бы похоже на аптеку. – Екатерина вылезла из салона, глядя на зелёный пентакль с пятью ландышами, расположенными в виде лучей пятиконечной звезды. – Я ожидала нечто более эксцентричное. – Взойдя на крыльцо аптеки (или того, что под неё маскировалось), Екатерина осознала, что напарника рядом нет, и обернулась. – Ты идёшь? Ярик!

Ярослав, изначально следовавший за Екатериной, замер в шаге от машины. Даже оклик не вывел его из оцепенения. Задрав голову, Ярослав водил взглядом по стене, словно рассматривал сбитую насмерть собаку или раздавленного голубя. Особенно медиум задерживался на втором этаже: что бы там ни находилось, кто бы на нём ни жил, эта часть дома заставляла Ярослава шуриться и играть желваками.

– Яр, у нас мало времени.

– Здесь что-то происходит. – Ярослав не сменил выраже-

ния лица и не сдвинулся с места, но, по крайней мере, отвечал. – Что-то... нехорошее.

– Не удивлена. Зими́на точно в чём-то замешана.

– В этом доме что-то происходит. Здесь много смерти, но нет мёртвых.

Екатерина сошла с крыльца и осторожно потянула напарника за рукав, будто всадник – коня за узды.

– Не как в морге и на стройке, по-другому. – Ярослав не упирался, но следовал за Екатериной без энтузиазма. – Много жизни, но мало живых. Много смерти, но нет мертвецов...

Дойдя до прозрачной двери, Екатерина отпустила напарника и потянулась к ручке, однако отшатнулась, не осилив последние несколько сантиметров. Ярослав, уже придя в себя после осмотра здания, озадачился; Екатерина кашляла, будто очутилась на складе гнилых яиц, в то время как сам Ярослав не ощущал ровным счётом ничего: ни запаха, ни удушья.

Однако он заметил кое-что, с запахом не связанное. Напрямую.

– Тебе надо остыть.

– Да неужели? – Отвернувшись от двери, Екатерина с необычайной жадностью вдыхала осенний воздух. – С чего ты взял?

– Тут какие-то символы... – Ярослав медленно скользил взглядом по дверной раме – вверх-вниз и слева направо. – Не знаю, видны ли они тебе, но, когда ты тянулась к двери,

они прямо вспыхнули.

– Я что, им не нравлюсь?

– Как ты можешь кому-то не нравиться? Но, наверное, им не понравился твой настрой. Не знаю, что это за знаки, но думаю, какая-то защита.

– Наверное. – Екатерина не видела никаких символов на двери или рядом с ней и предпочла согласиться с напарником. – Наверное, неплохой способ отпугивать торчков. Ты можешь войти?

– Ну, я же не торчок!

Шутка прозвучала наигранно, но Ярослав открыл дверь без видимого для себя вреда. Ярослав замешкался, но, перешагнув порог, двигался по тамбуру вполне уверенно.

– У меня порядок, но тут точно что-то есть. Как сквозь паутину прошёл.

– А что со мной не так? Или это аптека только для нечисти и экстрасенсов?

– Подыши немного, постарайся думать о хорошем. – Предложение Ярослава прозвучало как минимум странно, но его интуиции Екатерина доверяла почти так же, как здравому смыслу. – Главное – без негатива о хозяйке. Мы тут гости, даже просители, а не рейдеры. – Последнее произносилось с оглядкой на стены, будто предназначалось не только и не столько для Екатерины, сколько для них. Непосредственно напарнице же адресовался шёпот: – У некоторых стен есть глаза и уши, а может даже руки.

– Окееей...

«Понятно, что ничего не понятно».

Если бы Екатерине пришлось в двух словах передать суть командной работы, а в особенности работы с Ярославом, она бы сформулировала её фразой «надо доверять». Именно так и пришлось поступить в этот раз. Стараясь не думать о том, как выглядит со стороны, Екатерина несколько раз медленно и глубоко вдохнула и выдохнула, будто восстанавливала дыхание после пробежки. Краем глаза Екатерина заметила странное выражение на лице Ярослава: он будто прикусил изнутри щёки, чтобы сдержать улыбку. Должно быть, топтание напарницы напоминало сцену из комедий Чаплина.

Ярослав поманил Екатерину к себе. Она зашагала, точно по собачьей лужайке, смотря под ноги с соответствующим напряжением и приговаривая:

– Я пришла с миром, я пришла с миром...

Порог Екатерина переступила, сутулясь, жмурясь и закрывая лицо рукавом, словно шла сквозь ветви деревьев. Остановившись рядом с Ярославом, она выпрямилась.

– Что-то я никакой паутины не почувствовала.

Ярослав пожал плечами, впрочем, без особого сожаления. Не было сомнений в том, что лучше ничего не почувствовать, чем попасть под удар местной охранной системы.

– Ладно, идём.

Приёмная «Ландыша» встретила напарников, с одной стороны, оливковым диваном-канapé, кофейным столиком и

настенной вешалкой, а с другой – моделью человеческого скелета и информационным стендом. Екатерина задержала взгляд на костях: цвет и фактура заставляли задуматься о материале.

Шкафы-витрины и стеллажи, стоявшие как вдоль стен, так и островками ближе к центру зала, демонстрировали отнюдь не только аспирин и зелёнку. За прилавком у противоположной к входу стены перешёптывались двое: безусый блондин и шатенка с коротким хвостом; оба выглядели достаточно молодо, были в очках и медицинских халатах. Сбоку от работников виднелось окошко рецептурной, а за ними – стальная дверь.

«Ассистентская или типа того. Неплохо для “прачечной”». Екатерина направилась к прилавку, а Ярослава явно заинтересовал ассортимент диетического питания. Но не успела Екатерина сделать и шага, как скрипнула входная дверь. Напарники инстинктивно обернулись: сказывалась заминка на пороге, да и не хотелось светить удостоверения при лишних свидетелях.

В приёмную шустро юркнула девушка, немного ниже Екатерины, одетая в поношенную, явно великоватую ей болотно-коричневую куртку, из-под которой торчали края чёрной тканевой мини-юбки. Ноги от осенней прохлады защищали лишь выдавшие виды сапоги. Смуглое треугольное лицо и собранные в два хвоста по бокам головы чёрные волосы навевали мысли о южных, возможно приморских, далях и кра-

сотах.

– Хм-м, а вы ведь не покупать пришли, верно? – протянула она вслух, стаскивая с себя и вешая куртку. Под той оказалось тонкое подростковое тело в обтягивающей тёмно-красной майке; лифчика девочка не носила.

– Разве что презервативы и смазку, – убедившись, что завладела вниманием посетителей, девочка заглянула Екатерине в глаза и продолжила: – Презервативы тут имеются, и очень неплохие. И таблетки есть. А смазки нет. Так странно, правда? Сказал «А», говори «Б», верно, подруга? Верно, boys, girls²? – с улыбкой подмигнув смущённым аптекарям, девочка обратилась к Ярославу. – Хотя, может быть, вам стоит начать с приворота, не думаете? Или с отворота, если захотите поиграть в изнасилование. Но это не всем дано, тут нужен характер. Или в вашем случае – актёрский талант. Не желаете ли отрепетировать? Я подыграю, обещаю.

Каждая фраза сопровождалась тихим, почти бесшумным шагом: незнакомка наступала, Ярослав осторожно пятился. Екатерина сжала кулаки, но вмешиваться не спешила. Оно и понятно: Ярослав – взрослый мужчина, может и сам защититься от распоясавшейся нимфетки.

Мог, но хотел ли?..

– Софи, прекращай! – прикрикнул блондин из-за прилавка. – У тебя что, работы нет? Сейчас организую!

– О-о-оу! – Софи прижала кулаки к груди и свернула губы

² Мальчики, девочки (англ.)

в трубочку, но уже через секунду лик обиды сменился озорной улыбкой. – Митенька, ты правда хочешь заняться мной лично? Да ты полон сюрпризов! – Она послала скривившегося аптекарю воздушный поцелуй. – Настюш, я бы на твоём месте присмотрелась к этому жеребцу. Охнуть не успеешь, как его уведёт и оседлает какая-нибудь цыганка. Думаю, наша Матан уже польстилась на это личико и спит и видит, как бы на него присесть.

Дмитрий закатил глаза и пробормотал: «Ненормальная». Вряд ли в его должностных обязанностях прописан пункт о «толерантности к душевнобольным».

– Думать вообще не твоё, – добавил Дмитрий в полный голос.

– Да? Впрочем, уверена, Мити хватит на всех. – «Ненормальная» и не думала прекращать. – И раз уж нас здесь так много, мы могли бы устроить...

– Умолкни! – не выдержала Анастасия. – Ты можешь заткнуться и не пугать посетителей хотя бы минуту?!

Софи помрачнела и посмотрела на аптекаршу с молчаливым укором. Ярослав с Екатериной переглянулись: медиум был в большей степени удивлён, чем раздражён, напарница – наоборот.

– Могу. Конечно, могу! Что за вопрос!

Екатерина открыла рот, чтобы обратиться к работникам, но не стоило и ожидать, что серьёзности Софи хватит надолго.

– Вот только между нами, девочками, для мальчиков минута – это очень и очень долго. Измельчали мальчишки... – Повернувшись к обомлевшему Ярославу, Софи мягко поднесла его ладонь к своему лицу и поводила средним пальцем по губам. – Или я не права, милый мистер? Как думаете, насколько вас хватит?

– *Тебя это волновать не должно.*

В зале притихло. Холодный, жестокий голос показался громом среди ясного неба, и Ярослав мог поклясться, что с прихода Софи входная дверь не шелохнулась. Судя по лёгкому испугу на лицах Дмитрия и Анастасии, они бы подтвердили.

За Екатериной стояла мрачная женщина. Её худое, бледное лицо с высоким лбом, выпирающими скулами и серыми впалыми глазами обрамляли ониксовые волосы, свисающие до груди. Чётко очерченные губы были плотно сжаты, а тяжёлый взгляд, казалось, обращён на всех присутствующих и ни на кого конкретно. Ни серёг, ни колец на женщине не наблюдалось, только чёрные «оксфорды», классические брюки и медицинский халат с блузкой под ней.

Опомнившись, Дмитрий скрылся в ассистентской, Анастасия машинально поправила халат и встала за кассу. Ярослав, как и Екатерина, уже догадывался, кто пришёл на непривычный для аптеки шум. Но спросить всё равно тре-

бовалось.

– Валерия Зимина, верно?

Поморщившись, женщина протянула Софи руку. Оpozнав жест, нимфоманка подскочила к куртке, достала что-то из кармана и вложила в ладонь.

– *Скоро понадобится. Не мозоль глаза.*

Валерия глядела на Екатерину, но заговорила не раньше, чем Софи устроилась на краю дивана и обняла колени, точно скупающий ребёнок, а содержимое ладони исчезло в кармане халата.

– *Верно. Теперь представьтесь, не заставляйте угадывать вашу масть.*

– Рудкова Екатерина Владимировна. – Екатерина машинально сунула под нос Валерии удостоверение. Кивнула на Ярослава: – Патрушев Ярослав... хм-м...

– Григорьевич. – Ярослав тоже выставил перед собой маленькую тонкую книжицу.

– ...Григорьевич. Мы к вам по серьёзному делу.

– *Вы не похожи на рэкетиров и налоговиков.*

– Нет, мы по другому серьёзному...

– А что, они доставляют проблемы?

Перебитая на полуслове, Екатерина сердито покосилась на напарника. Ярослав же сделал вид, что его искренне интересует ответ на заданный вопрос. Может, так оно и было. Валерия оглянулась на скелет у входа; её взгляд сделался туманным, словно женщина погрузилась в воспоминания о

неких далёких событиях.

– *Доставляли.*

Ярослав сдержанно улыбнулся, при этом нервно сглотнув.

– Мы из УБМУ. Можем поговорить? – Екатерина окинула помещение взглядом, в ответ Валерия направилась к прилавку. Ярослав с Екатериной последовали за ней.

Миновав Анастасию, Валерия вошла в ассистентскую. Внутри за столом сидел Дмитрий и отвешивал ингредиенты для изготовления мази; на появление начальницы он никак внешне не отреагировал.

– *Иди проветрись.*

Указание исполнилось быстро: уже через пять секунд дверь закрылась и отделила троицу от остального мира.

– Вы знакомы с Михаилом Сергеевичем Табуниным?

Ярослав слишком поздно осознал, что не будь рядом Валерии, а за стеной – ещё как минимум троих посторонних, ему бы уже прилетело по шее от напарницы: та явно сдерживалась из последних сил, и далеко не факт, что она не сорвётся на улице или в машине. Тем не менее вопрос задан...

– *Предпочитаю откровенной лжи недомолвки.*

...но прямого ответа на него пока не предвиделось.

– *Что у вас?*

– Произошло убийство, – начала Екатерина, – в Люберцах нашли обезвоженное тело, буквально кожа да кости.

– *Почему убийство?* – игнорируя приличия, Валерия не смотрела на собеседников: её больше интересовала дверь в

торговый зал.

– Что?.. Погибший жил на другом конце области, и его нашли на стройке абсолютно голого. Одежда лежала там же, неподалёку, целая и невредимая.

– *Я похожа на Джейн Марпл?*

– В паху трупа нашли раны и субстанцию. Выделения, похожие на половые и, вероятно, чем-то инфицированные. Мы собрали образцы и *вполне можем* проанализировать их самостоятельно, но...

– ...вам приказано скинуть это на меня.

Екатерина закусил губу. «Неужели так сложно выслушать молча?» Видя, что самообладание напарницы на исходе, Ярослав попытался смазать шестерни расследования:

– Мы считаем, что дело очень серьёзное и требует привлечения спецов. Руководство порекомендовало вас как эксперта в области психомантии и демонологии.

– *Взрослый, а в сказки веришь. К тому же, это работа для судмедэксперта, а не фармацевта.*

– После смерти в теле остаётся тень души...

– Остатки психической энергии! – буркнула Екатерина.

– ...но в этом случае ничего не осталось.

Валерия наклонила голову вбок. Хоть лицо не переставало выглядеть отрешённо, Ярослав заметил, что взгляд Валерии переменился.

– Понимаете, – продолжал Ярослав. – Мы с таким ещё не сталкивались. Я с таким ещё не сталкивался, потому надеюсь

на ваш опыт. Что бы это ни было, оно убило не только тело.

Женщина развернулась к медиуму и смерила его взглядом – без недоверия, без предубеждённости, но с деловитостью, с какой профессиональный музыкант проверяет строй гитары.

– Вы ведь и сами были... *там*.

Ответ прозвучал не сразу. Несмотря на шумы за дверью, секунды молчания ощущались траурными, тягучими, вязкими. Будто всё, что придавало жизни объём, заглушилось, отошло на задний план, стало бестолковым, ничего не значащим фоном. А может, дело в самом Ярославe? Может, он оглох, его контузило? Может, в этот самый момент он стоял в шаге от взрывающейся бомбы, и время замедлилось – для него одного?

«Может, я умер, но ещё не осознал?..»

Сомнения рассеял топот: Екатерина утомилась от простоя и разминала ноги. Будто заразившись, Валерия тоже не устояла на месте и неторопливо пересекла ассистентскую, а затем вернулась. Не ощутив прямой агрессии или злобы, Ярослав, тем не менее, понял, что запустил камнем в дремлющий пруд – или в осиное гнездо.

– *В аду холодно.* – Уголки рта Валерии натянулись в слабое подобие улыбки, но в глазах всё так же стояла печаль. – *Сомнительный повод для зависти.*

– Я знаю. Я не завидую. Такие вещи не проходят бесследно.

– *Не проходят. Даже если ты возвращаешься, часть те-*

бя остаётся за вуалью. И кое-что возвращается вместе с тобой.

– Господи Иисусе! – Екатерина закатила глаза. Философские диспуты и мистические откровения – это последнее, что ей хотелось слышать и наблюдать – Ярик, это бесполезно! Простите, что побеспокоили. Сами разберёмся.

Стоило Екатерине шагнуть к выходу, в зазоре под дверью шевельнулась тень. Прежде, чем Екатерина успела хоть как-то среагировать, а Ярослав – что-то сказать, как-то образумить, на плечо девушки легла ледяная, будто пролежавшая на морозе железка, ладонь.

– Давайте образец.

К тому моменту, как напарники закончили, на улице стемнело, однако фонари ещё не включились. Внутреннее освещение в салоне скрасило сумерки, но ощущения уюта и защищённости с собой не принесло. Ярослав не стал включать радио или записи. За несколько минут молчаливой поездки Екатерина дважды ощупала плечо, подвергшееся касанию Валерии, ещё и заглянула под воротник: нет ли синяка или других следов на коже. Ничего не обнаружилось, но девушка всё равно морщилась и кривила лицо от недавних ощущений.

– Ну, как она тебе?

Екатерина наклонила голову и вздохнула. Тон Ярослава

был далёк от издевательского: похоже, он устал не меньше неё. Вряд ли его действительно интересовал ответ; вопрос ради вопроса, ради беседы, ради разгона повисшей в салоне тишины.

– Мымра. Обыкновенная мымра. Мымра обыкновенная. – Фыркнув, Екатерина выпрямилась и повеселела. – Удивлена, что ты её уболтал. Надо бы мне держать ухо востро, а то рядом сидит специалист по езде по ушам, а я вся такая расслабленная, думаю, что в безопасности.

– Слушай, я ведь не подлизывался. Сымпровизировал, да, но я искренне так думал. И, кажется, с Зиминкой действительно что-то не так. Есть в ней что-то... чуждое. Не от мира сего.

– Как и в тебе. Мне кажется, она мнит себя ведьмой или реинкарнацией Лилит, я не знаю. Столько пафоса, столько спеси. Хоть пророчеств не накидала и не потребовала позолотить ручку. Думаешь, она тоже видит при... как бы это ни называлось? Ну, пускай призраков.

– Мне кажется, она их не только видит, но и ест на завтрак и запивает кровью девственников!

– У-у-у, тогда держись от неё подальше!

За шуткой с обеих сторон последовал громкий, но несколько вымученный смех. Годы работы в УБМУ научили Екатерину, что иногда неловкие несмешные шутки оказываются в большей степени *неловкими несмешными*, чем *шутками*.

– Да-а-а. А что думаешь о её работниках? О работницах, если точнее?

– Ты про озабоченную, что тебя обхаживала? Озабоченная она и есть. Насмотрелась отцовской порнухи и решила, что так себя ведут «настоящие женщины». Думаю, эта шелупонь в шаге от исключения из колледжа. Видел, в какой она одежде? Будто бродяжничает, может, уже и телом приторговывает. Прирежут в переулке – и всё, поминай как звали.

– Кать, ты сейчас точь-в-точь как подъездная бабка говоришь!

– Неправда. Бабки ворчат из зависти, а я не завидую!..

Агенты ушли, но Валерия уходить не спешила. Не спешила, хоть и знала, что в дверь с минуты на минуту постучит Дмитрий – ему нужно работать. И правильно. Кто-то же должен возиться с лекарствами, стоять за кассой и раскладывать товар. Не самое интересное занятие, зато помогает избежать расспросов.

Присев, Валерия достала из кармана передачку Софи: материал уже испортился, только слить в канализацию.

«Дура».

Но это мелочи, издержки в целом удачного эксперимента. Можно *было бы* что-то придумать, если бы не нарисовались более серьёзные проблемы. Конечно, стоило ожидать, что рано или поздно ситуация выйдет из-под контроля, но

чтобы так скоро... И теперь ещё из УБМУ пожаловали. Спасибо, что как к эксперту, а не подозреваемому. Пока что.

– *Слишком много проблем из-за тебя,* – Валерия дёрнула кистью, будто подманивая кого-то приблизиться. В ту же секунду дверь ассистентской распахнулась, и в комнату, будто подгоняемая порывами ветра, вбежала Софи. Дверь за её спиной закрылась сама. – *Всё слышала?*

Софи виновато смотрела в пол и держала руки сцепленными за спиной, из-за чего едва успела поймать брошенную ей колбу с розовой слизью.

– *Они вернутся в среду. У тебя две ночи, чтобы всё подчистить, иначе я сама сдам тебя на опыты.*

3. Жизнь – это ЗППП

1

Печальна жизнь, чей смысл – борьба: за выживание, за знания. Так было раньше, так будет всегда. Чудны превратности сознания: судьба течёт сквозь жизнь и эпохи, меняя лики по пути, но неизменною спиралью она закрутится в ночи. Что было – будет, вновь восторг нырнёт в свой Тёмный Век отчаяния, как в чёрную прорубь среди льдов.

В серых глазах молчат проклятия, в них слепок личности, архив литаний, танцев и заклятий – белее кожи, черней тьмы. Фонтаном призрачной энергии бьются из памяти обрывки: печаль о дивных куцах рая, потерянных во цвете лет, и затаённая обида, клеймом зияющая, раной...

Духи природы. Волчий лик. Седая шкура на плечах и танец в трансе под рычание, возглас ладоней, пенье лиц. Охота удалась, за тицанием живое племя, сильный род. И благодарности в молчании. И страсть, звериная любовь. И смерть во цвете лет, увь.

Жаркое солнце. Град кирпичный. Вода струится по каналам, словно по венам, орошает Мать-Землю. Жертва под ножом. Кровь вытекает на алтарь пред идолом. Прочитан гимн. От благосклонности Богини зависит доля после жизни.

ни, не только крепость Куты стен. Здесь жрица – в плоти божество. Эришикигаль, сразись с Нергалом в краях сумеречных Иркаллы! «Чего робеешь, победитель? Страх перед Богиней? Или перед жрицей? Тебе придётся обуздать в коленях дрожь и доиграть роль свою властную. А после... Вернешься в храм после заката, неся дары. Пируй со мной! День – алтарю, ночью живём. Малая смерть во благо Жизни – вот почёт...»

Полуостров гор. Смерть лета. Скулезж щенков на перекрёстке при виде двух колдуний: из мира живых и из мира мертвых. И лунный свет из трёх пар очей струится в свой новый сосуд, струится в аватара ночи. Гекаты пламя распаляет дар призывать к ответу спящих, жить убитых и морить. Смерть в зове филина, в лае собаки, в настойке полыни. В глазах смотрящего сквозь дым...

Глаза разбитой ведьмы лижет чёрный дым, а пламя безучастно, как прокрустово ложе. Толпы глумление тонет в адском треске. Стоять нет сил, хранить молчанье тоже. Тьма в воздухе заполнит тело ядом, пока огонь костра не подобрался к коже.

И холод. Дальше только холод.

Звонко щёлкнул электрочайник. Облако пара, со свистом выходявшее из носика, выглядело в свете настольной лампы привидением. Валерия встрепенулась, выскользнув из пото-

ка сновидений. Или воспоминаний. Ощущения казались настолько реальными, что она бросила быстрый взгляд в сторону, словно опасалась быть пойманной на проявлении страха. На светло-бронзовой стене – тень аспарагуса в кадке. Валерия всё ещё в кресле перед письменным столом, всё ещё в кабинете-спальне.

– Ох...

Бурление в чайнике пошло на спад, и Валерия до краев залила кипятком кружку с буро-рыжим порошком. Однако выпить цикорий в спокойствии ей было, судя по всему, не суждено: чутьё выдало постороннее присутствие.

– Даже сахару не добавишь?

Не слишком заблаговременно.

«Значит, замки на тебя не действуют». Валерия вздохнула и поставила кружку на стол. Есть разные способы держать нежеланных гостей на почтительном расстоянии. Действенные способы, к которым не стоит прибегать без особой нужды.

– Я, кажется, запретила тебе подниматься. – Валерия неторопливо поднялась.

Софи переминалась с ноги на ногу в проходе между столом и дверью в комнату. Взгляд девушки то и дело соскальзывал на пол и косил вбок, пальцы сцеплялись в непрочный замок, который тут же распадался.

Валерия приблизилась. Софи сглотнула: мрачный взгляд хозяйки не сулил ничего хорошего.

– Да я просто поблагодарить хотела...

– Поблагодарить?

«Функция меня благодарит. Прекрасно. Кто следующий?»

Самотык?»

– Лучшее, что ты можешь сделать – не втягивать меня в неприятности, раз уж не можешь контролировать свой голод.

– Могу.

Уверенность в голосе шла вразрез с внешней робостью. Валерия сощурилась, но секунды спустя лишь пожала плечами.

– Допустим. Тогда ты планировала высосать его досуха.

Глаза чернявой девушки сверкнули, а уголки губ разъехались в нескромную улыбку.

– Хи-хи, не думаю, что о нём будут долго скорбеть.

– В таком случае, тебе придётся назвать вескую причину, почему мне стоит оставить тебя здесь.

Серые глаза Валерии сделались совсем белыми, светясь в полумраке словно кошачьи. Из её рта вылетел пар.

– Здесь. В этом мире.

Лучи, подобные лунным, проникли сквозь веки и глаза Софи, оплетая её мозг паутиной несуществующего, но осязаемого инея.

«Ещё немного, и твоя кровь замёрзнет. Тромбоциты забьют капилляры. Холод овладеет каждой мышцей, одна за другой. Они не смогут сокращаться, а потом... сердце пере-

станет биться».

Софи не могла отвести взгляд от лица Валерии, но будто не видела его. Воздух кругом уплотнился, превращаясь в ловушку морозного ветра. Тело задрожало, все его резервы пошли на борьбу с холодом, но силы были далеки от равных. Софи силилась отвернуться, но двигаться стало гораздо труднее.

– Я-я с с-самыми доб-б-брыми намерь... ями...

– *Это ведь не первая жизнь, которую ты забрала?* – Тихий голос колдуньи звучал громче каскада камней, ударяющихся друг о друга и раскалывающихся. – *Я знаю. Убийство затягивает. Один раз попробуешь – не оторваться. И раз уж ты нарушила мои условия, вошла ко мне без разрешения...*

Толчок в плечо опрокинул девушку на спину.

– *...слишком рискованно оставлять тебя в живых.*

Участок потолка, вырванный у темноты светильником, захлестнуло вихрями клокочущей пурги. Валерия нависла над Софи светло-серым надгробием. Бледная будто гипсовый слепок, она терзала тело и вытягивала из него душу своим редко мигающим взглядом; радужная оболочка глаз не различалась, а скорее угадывалась на обескровленных белках.

Кожа на лице Софи задубела. Из рта брызнула кровь: воздух резал горло как битое стекло. Девушка высунула язык в попытке облегчить свои страдания, но уже через секунду сдавленно захрипела: Валерия наступила ей на грудь.

– Нет, пожалуйста! – Софи попыталась пошевелиться, но спина и руки будто примёрзли к полу. Отчаявшись, суккуб в девичьем теле воззвал к подвластной ему силе, но тщетно: попытка проникнуть в разум колдуньи разбилась о крепкую ментальную броню.

Ответ не заставил себя ждать.

– Для подстилки³ ты слишком активна, – Валерия вдавила ступню в грудину. Хрип услаждал слух, как музыка.

– Пожалуйста! – Слёзы брызнули из-под девичьих век, моментально замерзая. Не в силах смотреть в глаза смерти, едва живая Софи попыталась удержать свой взгляд хотя бы на колене госпожи.

«Ты просто функция, – вычленила Софи из шума фантомного ветра и стука в висках, – кукла для слабых мальчишек. Кусок мяса с дыркой».

– Я буду полезна!.. Прошу...

– *Имя. Мне следует называть тебя по имени?*

Софи всхлипнула. Ступня переместилась с грудной клетки на горло.

– *Так надо, суккуб?*

– Умоляю! – Софи заплакала. – Я и так сделаю всё, что пожелаешь!

– *Как хочешь.*

– Не-э-э... рх-ха-а-ар...

³ Буквальный перевод латинского слова succuba – «лежащий снизу», «подстилка».

Комната потонула во мраке, чтобы тут же озариться фиолетовым свечением. Тьма и пурпур. Из чуть живой Софи сочилась склизкая белёсая субстанция с розовыми прожилками. Она текла нехотя, хлюпала, чавкала, липла к коже и одежде, оставляла разводы, но борьба была проиграна задолго до её начала. Жижа взмыла в воздух, лишь нити вязкой блестящей слизи тянулись от сгустка к бывшему сосуду, трясясь в ноздрах, во рту, в нижнем белье.

Перед колдуньей собиралась сфера бледно-розовой эктоплазмы.

«Пожалуйста... Я отблагодарю тебя за спасение и молчание. Я всё сделаю, только останови это!»

– *Жажда. Под стать характеру.*

«Госпожа, молю...»

– *Ситис⁴, поклянись мне в покорности!*

Молчание. Несколько капель отделились от сферы и упали на пол, подобно слезам.

«Клянусь...»

– *Ситис, поклянись мне в нерушимости своих обещаний!*

«Клянусь».

Новые капли едва не запачкали Валерии ступни.

⁴ Жажда (лат.)

– *Ситис, поклянись мне в повиновении!*

Тело на полу затряслось в конвульсиях. Пена заполнила рот и уже струилась по щеке, смешиваясь с остатками эктоплазмы.

«Пожалуйста, госпожа, я так страдаю...»

– *Ситис, я жду.*

«Клянусь в повиновении!»

– *А теперь сама,* – с махровой издёвкой продолжила колдунья.

Две из семи нитей, связывавшие сферу с телом, оборвались. Сфера покрылась рябью и задрожала. Уголки Валериных губ едва заметно натянулись.

«Клянусь, что... не причиню тебе вреда, не обману и не ослушаюсь!!!»

– *Или?..* – подняла бровь ведьма.

«Ты изверг!»

«*Я знаю.*»

«Или не жить мне на этом све-э-эте-э-э а-а-а!!! – Брызги пены достигли пальцев колдуньи и края её халата. – Прошу! Заклинаю тебя! Смилуйся надо мной! Я больше не буду входить без разрешения!»

Насытившись страданиями суккуба, Валерия взмахом руки отправила сгусток, усохший на треть и ставший похожим на пузырь розовой жвачки, обратно в тело.

Сфера лопнула, покрыв Софи слизью. Оказавшись на коже, слякоть пришла в движение; с отвратительным хлюпа-

нием она затекала под одежду, будто живая лезла во все отверстия, из которых её недавно вытянуло магией. Поползли и капли на полу, медленно, словно гигантские личинки мух или трупные черви, собираясь в зловонные лужи у лица и промежности чернявой девушки, питая текущие к ней ручьи и создавая новые. Даже брызги, оставшиеся на самой Валерии, потянулись к основной массе.

«Я так не думаю». Колдунья торопливо обыскала стол: и поверхность, и выдвижные ящики. Между карточками заказов, потрёпанным чёрным фолиантом и «Биохимией» Комова-Шведовой затесались несколько пустых колб.

Софи вдохнула воздух и закашлялась, словно вынырнула из глубокого озера. Стукнувшись затылком о пол, перевалилась на бок. В глазах плыло и двоилось, воздух жёг лёгкие. Желудок крутили спазмы, но ком в горле удалось сдержать.

– Воды! Воды! – перепачканный слизью полутруп встал на четвереньки и вытянул дрожащую руку. Валерия молча подняла с пола садовую лейку. Софи изогнулась и подставила язык под струю.

По мере того как влага исчезала в глотке, тело Софи «оттаивало»; к тому моменту, как вода закончилась, следы обморожения и обезвоживания сошли на нет. Валерию преображение не впечатлило; суккуб выглядел по-прежнему жалко из-за разводов и промокшей одежды.

– Ты бы ещё с пола слизала, – проворчала Валерия, когда Софи собрала в рот капли, оставшиеся на лице после поли-

ва. Суккуб замерла задумавшись. Потом она переменялась в лице; губы расплылись в улыбке, а взгляд медленно поднялся на хозяйку. В игре света и тени белые, будто искусственные, зубы на остром лице казались частоколом клыков, а глаза нездорово блестели.

– Я и не такое могу, моя госпожа. Ты только скажи. – Софи подползла к повелительнице и попыталась поцеловать её ступню, но колдунья отшагнула. Подлиза, впрочем, не расстроилась, а провела языком по губам и плавно, словно гимнастка, поднялась на ноги.

В наступившей тишине можно было различить свист ветра за окном.

Софи ждала. Взгляд Валерии упёрся в пол; она ничего не высматривала, но и не прятала взгляд.

«Не обманывайся этой похабной улыбкой. Мы два зверя, запертые в одной клетке».

Наконец, Валерия произнесла:

– *Мне нужно расслабиться.*

Суккуб понимающе кивнула.

– *Призови кого-нибудь из своих. Мужчин. Двух. Мускулистых, с выбритыми яйцами и повыносливее.*

– Что-нибудь ещё? Может, какие-нибудь *особыепожелания*? – вскинула бровь Софи. – Лица Клуни и Бандераса? Тентакли из спины? Может, по двадцать пять сантиметров у каждого, хм?

Особое пожелание колдуньи не заставило себя ждать.

– Ты за них в ответе. Если что-нибудь выкинут, мало тебе не покажется.

Улыбка суккуба померкла, огонёк в глазах почти исчез. Разговор на приятную тему больше не вдохновлял.

– Поняла, госпожа.

– *Приступай.* – Валерия обошла суккуба и встала возле кровати.

Печально вздохнув, Софи развернулась к стене. Тень от аспарагуса привычно украшала обои. Пара мгновений, и к свету лампы добавился новый, яркий и фиолетовый. Он струился из зрачков Софи, образуя на обоях две пересекающиеся окружности от пола до потолка.

Софи молчала, но колдунья улавливала посылаемые ею сигналы. На каком языке суккуб взывает к родичам, Валерия не знала, но подсознание интерпретировало поток мыслей как латынь:

«Quidem! Fidei! – Eu necessito de ti!!⁵»

В центрах фиолетовых кругов возникли чёрные пятна, будто стена была лишь тонкой перегородкой, и с той стороны на поверхность приземлились две жирные мухи. Разросшись, пятна растеклись в рослые человеческие фигуры. Поначалу плоские, призрачные и тонкие, они постепенно наливались густотой и обретали чёткие очертания – словно существа с той стороны прислонились к грани. Они готовились явить себя этой стороне бытия, но что-то мешало им преодо-

⁵ Тихоня! Непоседа! Я нуждаюсь в вас! (лат.)

леть последнюю черту.

– Выключи, – прошептала Софи. Валерия поняла. Настольная лампа погасла, в комнате остались лишь неземной свет и затерявшиеся в нём огни улиц.

Лучи из глаз Софи потускнели. Несколько секунд Валерия простояла у кровати в полной, космической темноте, пока слабый свет из-за штор не заполнил освободившуюся нишу. Потусторонние фигуры, словно вылитые из жидкого олова, выступили из стены.

Первое, что различила Валерия, – это мускулистые руки с когтями и увенчанные небольшими козьё-бараными рогами головы. Пришельцы не торопились двигаться с места, и тьма всё ещё скрывала большую часть привычных человеческих черт, но те, которые уже проявились: развитые грудные мышцы, блестящие кубики пресса и эрегированные, увесистые, как булавы, члены – заставили Валерию ухмыльнуться.

– Нравятся? – улыбнулась Софи, вытирая испарину со лба. Валерия помрачнела и устало повернула к суккубу голову.

– *Поглядим.* – И хрустнула костяшками пальцев.

Ночью все звуки кажутся неестественно громкими и зловещими. Софи подскочила к сородичам.

«*Carissimi mei*, – Софи нетерпеливо заглядывала инкубам в чёрные, словно антрацит, глаза, – *hodie opus tuum talenta*⁶».

⁶ Милые мои, сегодня я нуждаюсь в ваших талантах (лат.).

Софи кивнула на колдунью. Двое синхронно повернули головы. Валерия тоже не спускала с них глаз. Она искала на их лицах эмоции, в их разумах – мысли и намерения, но пока не находила ничего. Пустота и безразличие.

«Ego huic mulieri debitum. Satisfaciat necessitatibus eius, sed ne polluas eam⁷».

Инкубы переглянулись, оглядев порученное им тело, затем молча обратились к Софи. Губы одного из них открылись, словно он собирался что-то сказать, но не решился. Валерия громко прокашлялась и скрестила руки на груди. Ожидание утомляло, и она смирилась с тем, что не сможет прочесть мысли тварей из иного мира. *Cum* привязана к телу, а эти...

«Quid non intellegis?! – Софи опасно оглянулась на колдунью. – Nihil iniuriae et uterum! Lustus xvi pedicabo eam!»⁸

В чёрных глазах вспыхнули искры понимания, и инкубы, потеряв интерес к Софи, направились к Валерии.

«Diligenter cum ea!»⁹

Благодаря зеркалу в глубине комнаты было светлее, но внешность инкубов Валерию уже не интересовала. Рога втянулись в черепа, уступив место коротким темным волосам, серая кожа разбавилась казавшимися чёрными сосками и гу-

⁷ Я в долгу перед этой женщиной. Удовлетворите её потребности, но не оскверняйте (лат.).

⁸ Что вам неясно?! Никаких травм и беременностей! Просто трахните её! (лат.)

⁹ Будьте с ней аккуратны! (лат.)

бами и чуть более светлой шляпкой набухшей головки. Воплощения отличались друг от друга комплекцией и лицами: на одном читалось стоическое спокойствие на грани с безразличием, на втором – жестокость и высокомерие.

Они прижались к Валерии и запустили руки под халат. Колдунья расслабилась, позволив инкубам проявить себя. Температура их тел оказалась чуть выше комнатной, дыхание не грело. Валерия повернулась спиной к обладателю злобной мины, отдав предпочтение более спокойной, высокой и массивной особи.

«Полагаю, это тебя Ситис назвала Тихоней».

– Открой пасть.

Безэмоциональный гигант подчинился. Валерия смачно плюнула ему в рот, и инкуб безропотно сглотнул. Сердце колдуньи сладко ёкнуло: покорность возбуждала.

– Хороший мальчик...

– Я в восторге, госпожа! – Софи наблюдала из-за хозяйского кресла, обняв его спинку. Блеск глаз и улыбка до ушей выдали степень её искренности.

– Я не актриса и в овациях не нуждаюсь. – Вцепившись инкубам в волосы, колдунья оттащила их губы от своей груди. *– Отвернись и жди, пока не закончу.*

– Да чего я там не видела! – театрально воскликнула Софи и, не удержавшись, рассмеялась в кулак.

– Если они постараются, – колдунья кивнула на инкубов, уже принявшихся обсасывать её пальцы, *– ты даже успеешь*

присниться кому-нибудь и отъестся.

– А можно допить твою жижицу? – суккуб указала на цикорий. – У меня сушняк, знаешь ли!

– Всё равно, он остыл.

Словно подводя черту, Валерия чуть повернулась и шлепнула инкубов по ягодицам.

– Яжду.

– Oui, mon Exorciste!¹⁰ – отсальтовала Софи, устраиваясь в кресле и разворачивая его спинкой к *не-актрисе*.

«Пока ты, старая магическая блядь, будешь скакать на хуе Тихони, я покувыркаюсь с целым общежитием, а то и со всем городом! Если, конечно, захочу».

– И всё-таки он жидкий, – протянула Софи, глотнув из кружки. – Пить можно. Я ожидала худшего.

«Как же есть хочется. Но шанс увидеть мальчиков во время прочистки труб этой сучки может больше не представиться. Что же делать?»

На кружку падал рассеянный луч уличного света. Присмотревшись, Софи различила на ней размытые очертания люстры.

– Хм-м...

Отхлебнув ещё, Софи повертела кружку в руках. Гладь цикория отражала предметы лучше кружки, но наклонить сосуд так, чтобы ничего не пролить, оказалось слишком сложно. Оставалось довольствоваться малым и терпеть впле-

¹⁰ Да, мой экзорцист! (фр.)

тающиеся в отблески узоры.

– Та-а-ак...

В керамике отражалась Валерия, сидящая на краю кровати. Подхваченные незримыми руками волосы колдуньи улеглись назад, нижнее бельё сползло с бёдер, а халат соскользнул с плеч, обнажив грудь.

– Ммм... – Валерия сонно поцеловала воздух перед собой. Кровать заскрипела, будто кто-то переполз с одного места на другое. Колдунья откинулась назад и раздвинула ноги; в чашке всё ещё отражалась она одна, но кто-то или что-то не давало ей упасть, словно женщина упиралась спиной в невидимую стену.

«Хорошая девочка».

– А-ах... – простонала Валерия, закрыв глаза. Складки кожи, обрамлявшие её лоно, обнажили влажную розовую плоть. Невидимые руки тискали груди, чуть сдавливали торчащие соски.

Колдунья блаженно вздохнула и сладострастно провела языком перед собой, словно облизывая воздух. Затем её волосы аккуратно собрались в хвост и приподнялись. Валерия открыла рот.

Из-за недостатка света Софи не могла разглядеть все подробности, но звуки сдерживаемой икоты и ритмичные движения в горле Валерии недвусмысленно намекали суккубу на характер новых ласк.

«Этому горлышку можно засунуть и поглубже».

Вдруг Валерия оттолкнула от себя воздух – так это выглядело в отражении – и шумно выдохнула. С подбородка колдуньи свисали нити слюны. Откашлявшись, Валерия бросила угрожающий взгляд на затылок Софи.

– Ты слишком долго пьёшь эту дрянь. И слишком громко мыслишь.

«Ой!»

– Иди, развлеки кого-нибудь. А то ещё позеленеешь от зависти.

– Да, госпожа.

3

Тишина бывает разная. Гнетущая, умиротворяющая, зловещая. Она может ввести в дрёму, заставить заплакать или подтолкнуть к самоубийству, погасив неокрепший разум. Тишина даже звучит для каждого по-своему. Стук в висках, биение сердца, музыка космоса...

Для Коли тишина – это эмбиент. Хор детских голосов, сливающихся в одну едва различимую ноту. Этот звук, или отсутствие звука, хорошо подошёл миру перед глазами. Его мир – стена, серая потрескавшаяся стена. Она бы затерялась на фоне холодного хмурого неба, словно риф посреди океана или обломок каменного здания на краю поляны, существуй это небо или эта поляна в Колином мире. Но его не было. Первое время – только стена.

Но только первое время.

Коля не заметил, когда появилась *она*. Словно закатное солнце, на стене расцвела грива красно-рыжих волос, волнами ниспадающих на молочно-белую спину. Лишь россыпь родинок на плечах и лопатках выделялась на коже, гладкой и манящей. Затем *она* развернулась, плавно и неспешно.

Коля не мог обнять *её*. Не мог поцеловать или прикоснуться к маленькой груди. Он не был режиссером этого фильма, даже актёром, всего лишь оператором за статичной камерой: не моргнуть, не отвернуться, не опустить взгляд ниже бело-

снежной поясницы.

Она видела его. Смотрела, минуя внешность, в самую суть. Печальное лицо дразнило своей недостижимой красотой. Карие глаза мутнели, но в них неизменно горел огонёк дерзкой живой души.

«Камера» медленно отъезжала назад. Стена не заканчивалась, не желала обрываться. В поле зрения попали девственно гладкие бёдра. Голова рыжей богини выглядела пятном крови, оставшимся после жертвоприношения.

Она и жертва, и алтарь одновременно. Соперник и главный приз. Краски и холст к ним.

– Возьми же меня... – Её губы расплылись в бесстыжей улыбке, обнажив жемчужные зубы.

Коля пожелал коснуться её и протянул руки, которых у него не было.

Мир помутнел, словно намыленное стекло. Сперва её глаза, а затем и всё лицо превратилось в меловое месиво, вихрь, спираль. Губы последними стерлись в нежно-розовую пасту. Двусмысленная улыбка – кроткая, но в то же время манящая – вселила надежду и тотчас обрекла мальчика на отчаяние, исчезнув из реальности.

Слабый вздох поставил четкую границу между грезой и бытием. Несколько секунд Коля глядел в стену в тщетной попытке различить в узорах обоев сокровенные очертания. Темнота, друг тайных желаний, делала всё возможное, но самое большое, на что был способен мрак – это низвести всё

в уже приевшееся сизое месиво. Лишь после признания этого, Коля пошевелился под одеялом. Тело горело, но мальчик мёрз. Ломило в костях, особенно в позвоночнике. Резало в глазах, пересохло во рту. Лоб гудел. Нечто липкое и пахучее стекало по бедру, по пути присыхая к коже и одежде.

Отблески света уличных фонарей освещали незашторенную комнату не хуже заката или грядущего восхода. Коля мог спокойно различить стрелки циферблата на противоположной стене – ровно три часа, но он совершенно не слышал тиканья часов.

– Эх, Леночка... – Мальчик зажал складку одеяла между ног и обхватил его край руками, заключая в объятия.

«Приснись мне ещё раз! Пожалуйста...»

Софи вернулась из мира грёз. По обмороженному телу разлилось долгожданное тепло, прошла сухость в горле. Суккуб смаковала ощущения, затмившие недавнее происшествие. Принять душ, переодеться в чистую одежду – и от кошмара останутся лишь воспоминания...

И попранная гордость.

– А-а-ах, чтоб тебя!..

Стоны и рык боли, взметнувшиеся над привычными хлопками и грохотом перегруженной кровати, пробудили Софи окончательно. Её улыбка стала ещё шире. Отражение в чашке показывало женщину, зависшую над простынями спиной

вниз с раскрасневшимися ягодицами и промежностью.

«Ух, моя любимая часть! Маска с потаскухи сорвана. Так её, мальчики!»

– Тебе нравится, моя госпожа? – промурлыкала Софи, зная, что колдунья ничего не скажет – по крайней мере, внятно. Удовлетворившись ответным стоном, Софи расхохоталась и не глядя послала троице воздушный поцелуй. – Я бы с удовольствием присоединилась, но, боюсь, такого кровать уже не выдержит! Ха-ха-ха!

– Ах, твою мать! А-а-ах!– Тела инкубов прижались к рвущейся из объятий жертве и не отпускали, пока та не успокоилась и не затихла.

– Ах... Вынимайте... Сейчас же!..

– Вот был у меня случай, – буднично заметила Софи, пока её подопечные сбавляли темп и выходили из растрёпанной и дезориентированной колдуньи, готовясь к завершающему штриху, – я была в мужском монастыре где-то в Испании и пробилась в групповой сон сразу одиннадцати монахов. Чувствовала себя богиней!

Со стороны кровати пахнуло прохладой. Софи умолкла: воспоминания о холодных прикосновениях смерти еще не изгладились из памяти – и закрыла рот руками.

«Ч-что? Что такое?»

Инкубы стояли над вздрагивающей, словно от брызг талой воды, Валерией. На её лице, груди и животе оседали вязкие бесцветные разводы.

Оседали и застывали на коже, превращаясь в липкую белёсую корку.

Злорадная ухмылка Софи быстро увяла. Маленькая физиологическая особенность собратьев грозила большими проблемами.

– Мамочки! Прости! – вскрикнула суккуб, сползая с кресла, и засеменила к хозяйке. – Я не подумала! Я забыла! – Софи собственноручно освобождала веки Валерии из морозного плена и со злости вытирала пальцы о кожу сородичей. Те не демонстрировали обиды или недоумения. Их лица вообще ничего не выражали.

– Дураки! Болваны! Безмозглые ёбари!

Колдунья приоткрыла один глаз. Она всё ещё дрожала, ибо ледяная сперма стекала на плечи и уже подбиралась к лопаткам.

– Госпожа, я... Я прошу прощения. Я совсем забыла, что...

Стиснув зубы, Валерия подавила дрожь, словно принимая холод как должное, и поднялась. Уже этого хватило, чтобы Софи понурила взгляд и вжала голову в плечи.

Однако болезненного удара или опустошительной бури не случилось. Валерия скривилась от дискомфорта: эякулят инкубов достиг поясницы.

Оттолкнув ближайшего из виновников своего недовольства, колдунья удалилась в ванную комнату.

Щёлкнул засов. В комнате стихло.

– Фу-ух... – Софи ощупала свое тело. – Вроде пронесло.
– И выдохнула, едва не завалившись вперёд.

Серокожие близнецы молчаливо ждали.

– Живая, – повторила Софи, но, заметив на себе взгляды, раздражённо махнула рукой.

Демоны переглянулись и молча растаяли во мгле.

В ванной зажурчала вода. Из-под двери в спальню просочился электрический свет.

– Ещё не пронесло. Надо что-то предпринять. – Желтая полоса между дверью и косяком манила и пугала одновременно. – Надо что-то придумать!..

Из лейки душа хлынула вода. Валерия не стала ждать прогрева и шагнула под струю, подставляя ей лицо и грудь. «*Всё лучшие промозглого инкубьего семени*». Белёсая плёнка слезала с кожи неохотно, словно соль, въевшаяся в обувь, вода же ощущалась сухой щёткой. От таких ощущений глаза невольно заслезились. Наконец, адский след начал стекать с тела мерзким студнем и опадать в ванну.

Сплюнув, колдунья потянулась за шампунем: «мускулы» не отличились аккуратностью, и что-то могло остаться в волосах – но не закончила движение. В затылке защипало, а по спине пробежали мурашки. Так бывает, когда кто-то смотрит со стороны.

– Пожалуйста, прости мальчиков.

Шёпот суккуба едва соотносился с Софи, лишь с её женской сущностью. Слова, пропитанные стыдом и чувственностью, звучали не из-за занавески или спины, а журчали в голове, словно сокровенные мысли на страницах дневника. Валерия не стала оглядываться, ей хватило и отражения в зеркале. Один размытый силуэт, одно обнажённое тело – её собственное. Кроме того, Валерия *пока что* не жаловалась на слух, и вторжение в ванную не осталось бы незамеченным.

– Они ещё молоды и глупы. Не способны выразить и десятой доли моей... моей признательности.

– *Зачем вышла из тела?* – Валерия подставила волосы под поток. Вода к тому моменту нагрелась. – *Собираешься жить меня из моего?*

– Не говори так. Я поклялась, что не причиню тебе вреда. Помнишь? – напомнила Софи, пока Валерия выдавливала из упаковки гель и втирала его в волосы. – Моё тело живо и спит, спит в кресле.

– *Хм.*

– После стола останутся синяки, а посягать на постель благодетельницы – это уж чересчур, прелестная госпожа.

Валерия ощутила робкое дуновение горячего ветра на уровне шеи. Не прислушавшись к ощущениям, его можно было принять за поцелуй.

– *Не льсти, у тебя плохо получается.* – Колдунья качнула головой, демонстрируя суккубу острый профиль, одновременно ловя боковым зрением густое марево за спиной. – *Красота угасает со временем. Я могу лишь отсрочить неизбежное, но не повернуть процесс вспять.*

Софи не ответила, но так и не оставила госпожу наедине с собой. Намыливаться в компании назойливого духа Валерия что сегодня, что в любой другой день была не в настроении. Выручало лишь умение игнорировать. В относительной тишине – лишь вода ныряла в слив с характерным шумом – колдунье удалось избавиться от вьёвшегося в кожу холода и даже чуть-чуть расслабиться.

– Могу я кое-что предложить?

– *Меня не интересуют женщины, если ты об этом.*

В мозгу прозвенел сдержанный смех.

– Нет, я не об этом! То есть не совсем...

– *Вся твоя сущность – это одна функция, возведённая в абсолют. Что ещё ты можешь предложить?*

– Жизнь.

Слово, прозвучавшее заманчиво и оскорбительно одновременно. Валерия обернулась. Действительно ли она увидела перед собой суккуба без физического воплощения, или это лишь марево от пара, оседающего на плитке стен и стекающего в ванную ручьями, понять было затруднительно.

– Трахаясь с мужчинами, я забираю часть их жизненной силы. Часть души, если хочешь. Напёрсток телесных соков. Обычно с них не убывает...

– *Обычно.* – Валерия сощурилась на паровое облако и вернулась под горячую струю.

– Да, в последний раз я сорвалась и взяла всё. Я хочу... подарить тебе часть того, что я вырвала из мальчишки. Его годы и здоровье. Молодость и силу. Десятилетия молодости!

– *Я знаю, как заключаются сделки с демонами.* – Колдунья протерла мочалкой промежность. – *И знаю, к чему они приводят.*

Вытянув руку вбок, Валерия сдвигала мочалку. Из куса поролона засочилась пена, падая ошмётками на чугун и стекая по руке к локтю. Затем колдунья разжала кулак и сдвигала снова. Когда мыльная вода закончилась, и бежевый овал

мочалки скукожился до размера спичечного коробка. Валерия опустила руку.

Двигаясь к углу с вешалкой, колдунья почувствовала, что пар вокруг загустел, раскалился, а затем вновь стал обычным. На обратном пути случилось то же самое.

– Я дала клятву! Ты знаешь, что на них всё держится. И я дам ещё одну, если нужно.

Валерия замерла. Ухмыльнулась, но замерла.

– Всё будет так, как ты захочешь.

– *И что бы это могло значить?*– Колдунья мотнула головой, сгоняя дремоту: горячий влажный воздух усыплял тело и разум.

В ответ Валерия ощутила прикосновение. Словно волна эфира накатила на ступни, мягко обволакивая их. Ощущение не осталось в низинах. За доли секунды оно поднялось по голени и перекинулось на колени. С каждым минувшим миллиметром крепло беспокойство, отдалённо напоминавшее страх. Когда волна достигла бёдер и поясицы, Валерия вздрогнула, затем инстинктивно рванула вперёд к стене, едва успев выставить вперед ладони. Из горла вырвался стон, почти крик.

Колдунья едва удержала контроль над мочевым пузырём.

Ощущение текло дальше, лаская тело и лицо, ползло по телу бесчисленными ладонями. От незримых прикосновений на секунду приподнялась грудь; в поисках пути внутрь невидимые пальцы зацепили губы.

Волна чувственности прошла. Водопад горячей воды гремел где-то за спиной, роняя на неё лишь отдельные капли. Валерия осознала, что упирается руками в стену полусогнутая и прижимается мокрым лбом к плитке. Дрожит, стоит на трясущихся ногах.

– Как тебе? – вкрадчиво шепнула Софи. – Нравится?

Влагалище колдуньи налилось кровью, в животе словно образовался вакуум. Выпрямившись, Валерия задела грудью стену: соски казались будто слепленными из гипса.

– Нравится?

Валерия заставила себя кивнуть, не в силах отрицать своё возбуждение.

– Никаких последствий для тебя, любезная госпожа. Ни беременности, ни истощения! Ты уже сполна заплатила своей маленькой... даже не ложью. Нет, ты честная женщина! Маленькой недомолвкой. – Раздался звук, как если бы Софи хихикнула в кулак. – За молодость и кусочек рая. Я позабочусь об этом. Клянусь!

«Слишком много клятв за один день».

Сконцентрировавшись, Валерия почувствовала на себе выжидающие взгляды. Они давили со всех сторон, хотя фантом той, что откликнулась на имя Софи, всё ещё висел в воздухе за спиной.

Не душа и не призрак, а сгусток похоти.

Сгусток перешёл на томный шёпот:

– Ты примешь мой дар?

Стук в висках перекрыл звук падающей воды.

– Да.

– Примешь?

– Да!

– Тогда открой мне свой разум. И всё будет так, как ты захочешь!

Валерия знала, что без этой просьбы не обойдётся. Именно ментальный барьер, воздвигнутый и поддерживаемый сильной волей мага, не позволил инкубам просочиться в чертоги чувственности и вынести на поверхность всё то, что доставило бы наслаждение. Не проникнув в разум, нельзя понастоящему овладеть телом.

И всё же...

«*Твари хитры, но клятв не нарушают*». Колдунья ослабила защиту, но не сняла её полностью. Облако эфира обволокло Валерию, словно её погрузили в чан с топлёным молоком. Поток проник во все поры и полости; по носоглотке словно растекалось подсолнечное масло, но дискомфорта не было. Шум воды отдалялся и затихал. Веки наливались тяжестью, мир перед глазами мерцал и расплывался. Напряжённые мышцы размягчались до тех пор, пока у Валерии не подогнулись колени. Однако колдунья не рухнула на металл и не расшиблась до крови и синяков. Тело воспарило над ванной и, казалось, поднялось к потолку, а затем и дальше, словно ничего на свете больше не существовало: ни перекрытий, ни крыши, ни холодного уличного ветра.

Веки колдуньи сомкнулись. Мир исчез. Осталось лишь тело, парящее в клубах чувственности.

И убаюкивающее, усыпляющее безвременье.

Верх и низ смешались. Волны, вознёсшие Валерию в запретные дали, стали одновременно и водами необъятного океана, и теплыми ветрами, и сухой травой. Сквозь веки сочился умиротворяющий полусвет. Его было достаточно, чтобы тьма не холодила разум страхом.

– Всё будет так, как ты захочешь...

Валерия открыла глаза. Ни неба, ни воды, ни ванной. Она парила в центре огромного пузыря, со всех сторон облепленного розовой, чуть лоснящейся материей. Пластичная и податливая, как влажная глина, она не источала запаха и внешне напоминала подкрашенный силикон или сжиженную плоть. Словно ощутив на себе взгляд и намёк на испуг, масса взволновалась и покрылась пузырями, как если бы пол, стены и потолок вдруг продемонстрировали свои глаза и уши.

Даже в младенчестве Валерия не ощущала себя под таким пристальным вниманием. Не ощущала себя *настолько* голой.

– Все будет так, как ты захочешь, – повторил голос Софи. Будто подкрепляя заверение, сразу в нескольких местах тонкая стенка защитного пузыря продавилась под напором массы. Её подвижные отростки, обтянутые плёнкой щупаль-

да без присосок, потянулись к Валерии с боков, аккуратно обхватили снизу, свесились с потолков и деловито ощупали: лънули к щекам и губам, скользили по животу и грудям, опоясывали лодыжки, будто змеи, ползущие по телу.

Поначалу гелеобразные, ложноножки необъятной амёбы постепенно, касание за касанием, обретали фактуру человеческой кожи: мягкой, холёной, шелковистой. Ощувив метаморфозу, Валерия позволила себе успокоиться.

– Всё будет так, как ты захочешь.

«Давай, малыш...»

Отросток, тёршийся о левую грудь, расщепился на подобие кисти, и получившаяся пятерня незамедлительно приступила к осторожным ласкам.

Свисавшие с потолка отростки замерли в ожидании. Валерия закрыла глаза и приоткрыла рот. Импульс невысказанного желания передался роящемуся разуму любвеобильной массы. Лицо колдуньи: лоб, щёки, веки, подбородок – покрыли бессчётные губы и языки. Они елозили, целовали и ласкали, просачивались в ноздри и рот, увлажняли слюной и согревали дыханием.

Валерия поняла, как это работает. Она поманила массу обеими руками.

Через секунду количество «любовников» выросло в разы. Пузырь ментального барьера походил на дуршлаг или сито со свисающими из каждой дыры нитями теста, потому что не было на теле участка или закутка, который не приласкал

язык, не примяла подушечка пальца, не поцеловали губы. Многократно, одновременно.

Валерия не стояла, не лежала, не сидела и даже не парила; она не могла понять, где верх и где низ, ибо всё заменила текучая, изменчивая, пульсирующая сладострастная плоть. Щупая окружение, колдунья тут же его находила желаемое: лица с пухлыми губами, которые можно поцеловать, облизывать или прикусить; мягкие округлости ягодиц, которые можно сдавить или погладить; твёрдые кубики пресса, перетекающие в горячие колья членов. Последних становилось всё больше. Они тёрлись о кожу, лезли в рот, скользили вдоль языка в горло, мягко проникали в лоно и задний проход – по очереди и одновременно, по одному или сразу по несколько. Они терзали колдунью неумоимо и страстно, а затем, следуя невысказанным желаниям, изливали семя – либо выходили и орошали её со всех сторон.

«Блядь, как же сладко!». Валерия стонала и мычала от наслаждения. Её тело содрогалось от спазмов. Оно будто размягкало, стремилось к единению с ненасытной массой, всё сильнее сжимавшей спасительный пузырь самообладания. Где граница удовольствий от языков, вылизывающих самые чувствительные участки тела? Или от бессчётных вязких ручейков и капель, стекающих по бокам? Вдоль позвоночника? По лицу? Ощущения сливались в одно, а сознание, казалось, с трудом держалось на плаву.

«Жёстче!»

Волосы колдуньи намотались на невидимую руку, и та потянула до лёгкой боли, ещё одна чуть сдавила горло, ещё несколько, будто бы когтистых, пар – вцепились в плечи, бедра, обхватили голову. По ягодицам словно ударили хлыстом. Соски и кожу прикусили незримые челюсти. Фрикции участились и углубились. В задний проход проникло склизкое, бесконечное шлангоподобное щупальце. Возможно, не одно...

Боль и тряска усиливались, выдёргивая сознание из апатичной дрёмы. Невидимые когти почти проникли под кожу, угрожая в любой момент растащить тело на куски, стоит дать им волю. Наслаждение перетекало в страдание, оргазм превращался в пытку. Валерия захлёбывалась слюной и криком. Мочевой пузырь не выдержал. Лишь значительным усилием воли колдунья удержалась от того, чтобы открыть глаза. Она знала: открывшееся взору сулило сумасшествие... и гибель.

«Паскуда клятв не нарушает, но это ничего не значит».

– О чём ты? – Голос Софи симитировал возмущение, но скрыть напряжённость и нетерпение суккубу не удалось. – Всё так, как тебе хочется, разве нет?

«Сбавь обороты, твою мать! Слышишь? Заканчивай!»

Щупальца-«партнёры» замерли и как будто скукожились. Валерия освободила рот, и её тут же вырвало.

– Уже? Какая жалость! Ты так чудесно проводила время, я аж обзавидовалась!

Хватка десятков рук ослабла, и Валерия соскользнула

вниз, будто оказалась в горке-трубе аквапарка. Спуск длился недолго, но в бассейне в конце не оказалось воды. Колдунья не удержала равновесия и скрючилась на четвереньках. Локти врезались в твёрдый, будто вымощенный плоскими каменными плитами пол, подобный тем, которые встречаются в катакомбах, канализациях и подземных тюрьмах.

Из недр памяти, прошедшей сквозь смерти и рождения, всплывали обвинения инквизиторов, гомон толпы и собственные крики. Перед внутренним взором выросли языки пламени, сменяясь рекой и безликими палачами. От воспоминаний об испытании «позорным стулом» Валерию зазнобило, покусанные груди заболели как от раскалённых щипцов.

Валерию вырвало снова. Когда поток желчи прекратился, колдунью накрыла волна омерзения и жалости к себе. Фантомное или нет, а хлюпанье, с которым остатки вязкого демонического семени вытекли наружу, вызвало темнейшие мысли:

«Может, перегрызть себе вены на запястьях и покончить со всем этим? И больше не возвращаться в мир живых».

Из-под век просочились слёзы. Мышцы челюсти напряглись, сдерживая плач.

«Я знаю, зачем всё это. Видала уловки и покруче».

Успокоившись, Валерия открыла глаза. Серый каменный пол со смердящей лужей. Багровое небо с фиолетовыми об-

лаками. Один из хрестоматийных ликов Ада, с которым измерение лярв чувственности имело кое-что общее: у каждого пленника своя пытка.

– Анна...

Слово подействовало как разряд тока. Имя, которым колдунью многие годы почти никто не называл. Имя, ставшее тайной для всех, кроме тех, кому давно нет места среди живых.

Всё ещё на четвереньках, Валерия обернулась на зов. В глубине души она надеялась, что увидит именно *его*.

Над колдуньей навис юноша. Точнее, силуэт юноши, мерцающий и сизый. Чем дольше Валерия в него вглядывалась, тем больше знакомых черт в нём проступало. Молочно-белая кожа. Растрёпанные светлые волосы. Бледно-розовые губы. Пухлые веснушчатые щёки и карие глазки, придававшие сходство с бурундуком.

И голос...

– А-Анна...

...дрожащий, словно у забитого ботаника перед школьной хулиганкой.

– Я знаю, ты всё ещё хранишь его в своём сердце, – прошептала Софи. Фантазм подал Валерии руку. – Я не могу вернуть его, но устроила вам встречу, чтобы ты *познала* его, а он передал мой дар.

Валерия поднялась, опёршись на фантазм. Его тело ежесекундно менялось в соответствии с желаниями колдуньи: вот

плечи расправились, вот подбородок стал более волевым...

— Анна...

Фантазм приблизился.

— Анна, я... я по-прежнему люблю тебя.

Валерия хотела ответить, но разум даже сейчас, как мог, сражался за контроль над ситуацией. *«Это иллюзия, всего лишь иллюзия»*. Вместо ответа колдунья осторожно села, зная, что Софи не даст ей упасть; проползла в воздухе, представляя, что под ней огромная кровать с сатиновыми простынями. И это желание воплотилось: не успела Валерия проползти по затвердевшему эфиру и четверти метра, как её тело действительно заскользило по шелковистой ткани, словно только что постеленной.

— Всё для тебя, моя госпожа.

Забравшись достаточно далеко, Валерия позвала:

— *Я жду.*

Фантазм пополз к ней. Осторожные, немного неуклюжие движения, имитирующие страх, вызывали у Валерии снисходительную улыбку. Когда фантазм накрыл колдунью своим телом, она мягко подтолкнула его двигаться дальше:

— *Смелее, мой мальчик.*

Ещё несколько волнительных вздохов, и колени фантазма уперлись в подушки. Грудь Валерии находилась прямо под ним. На сей раз от тела исходил запах, запах вожделения. Ладони Валерии опустились на эфирные бёдра, и она приступила к ласкам, ощущала, как иллюзорная вялая плоть во

рту набухла, разрасталась, пока не уперлась в верхнее небо. Ощущала, как кожа, касающаяся её подбородка и губ, натягивалась. Ощущала, как вздувались и пульсировали тонкие вены.

Фантазм простонал, опуская ладони на макушку колдуньи. Невзначай они сползли на затылок, и фантом слабо потянул голову к себе. В ответ Валерия вонзила ему в поясницу ногти. Охнув, проекция любимого человека перестала напирать. Что в жизни, что в смерти, главной была Валерия... точнее, Анна.

– *Люби меня.*

Отступив к краю кровати, фантазм медленно, осторожно проник в неё. После произошедшего ранее – практически неосяземо. Однако Валерия жаждала не соития, а тихого неровного дыхания; она всматривалась в напряжённое лицо, ловила ноздрями выдыхаемый воздух.

Секс обесценился, только эмоции, с ним связанные, имели значение.

– *Теперь еби!*

Почти обесценился...

Повинуясь приказу, фантазм перебрался выше, теперь Валерия дышала ему в ключицу, и продолжил. Движения стали более порывистыми, хлопки – отчетливыми, дыхание – шумным.

«*Сладко. Хороший мальчик.*»

Валерия оцарапала ногтями спину фантазма. Имитируя

стон боли, тот лишь сильнее прижимался к колдунье.

Валерия вцепилась фантазму в волосы, оттащила его голову от себя. Акт вновь остановился. Валерия нащупала второй рукой мошонку и сдавила.

– *Скажи, что любишь, тварь! Живо, выbledок!*

Фантом скулил как побитая собака. Валерия ослабила хватку; она ожидала такую реакцию, желала её, но оказалась не готова.

– *Мне это нужно,* – пробормотала она, скосив взгляд. – *Пожалуйста, скажи.*

– Я люблю тебя... – заплакал фантом, возобновляя действие. – Люблю, люблю, люблю... – шептала фальшивка. Колдунья перевернулась на спину, больше ей было не на что смотреть.

– *Давай же!*

– Люблю, люблю, люблю. Я люблю тебя, люблю!

– *А-а-ах-х!*

Фантазм закричал и кончил. Тело Валерии обмякло, и она блаженно растеклась по простыням. Фантомное семя всасывалось в стенки влагалища и разливалось по телу волнами тепла. Колдунья чувствовала, что сама её кровь меняется: становится более жидкой, более насыщенной кислородом – и теперь несёт к мышцам и внутренним органам нечто родное, но давно забытое. Кости словно обмакнули в парное молоко. Ткани расширялись, будто напитанная влагой губка, а в мозгу замельтешили обрывки мыслей и воспоминаний, в

глазах замерцало. В уши лился каскад шумов, молчавших доселе – шёпот бесчисленного множества голосов, похожих друг на друга.

Колдунья лежала на кровати одна.

«Это был рай... и ад».

Веки налились тяжестью, и Валерия провалилась в дремму...

Вдалеке ревел водопад. Его шум приближался и становился громче.

Сквозь сон Валерия почувствовала, что тепло мятых простыней потеснил металлический холод, а колени с затылком упирались в ровную твёрдую поверхность.

Завыл сквозняк. Совсем рядом шуршала ткань. Тихо скрипели петли.

Брызги на лице – музыка дождя.

Тихий хлопок. Сквозняк прекратился, и ткань больше не шумела. Щёлкнула дверная ручка.

Капли бежали эстафету на чугунных стенках ванны.

Валерия очнулась. Вода всё также лилась из-под потолка, чтобы исчезнуть в зрачке слива. Шторка слабо колыбалась. На теле Валерии не было царапин, синяков и следов телесных выделений. Лишь необычайно острые ощущения от каждой упавшей на кожу капли...

4. Спокойная ночь

1

Ночная смена заступила на пост. Набегавшиеся врачи и медсёстры запаковались в демисезонные, а то и зимние куртки и, пошатываясь, покинули больницу. Время на часах многих из них расходилось на минуту или две, зато чёрное небо без звёзд для всех было едино. Неспящий город заменял космические огни, но он же их и вытеснил. Облака или смог многие и не замечали, беспокоясь лишь об асфальте под ногами: как бы он, болезный, не сменился выбоиной или лужей. Шли, утопая в трясине переживаний; звуки боль

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.